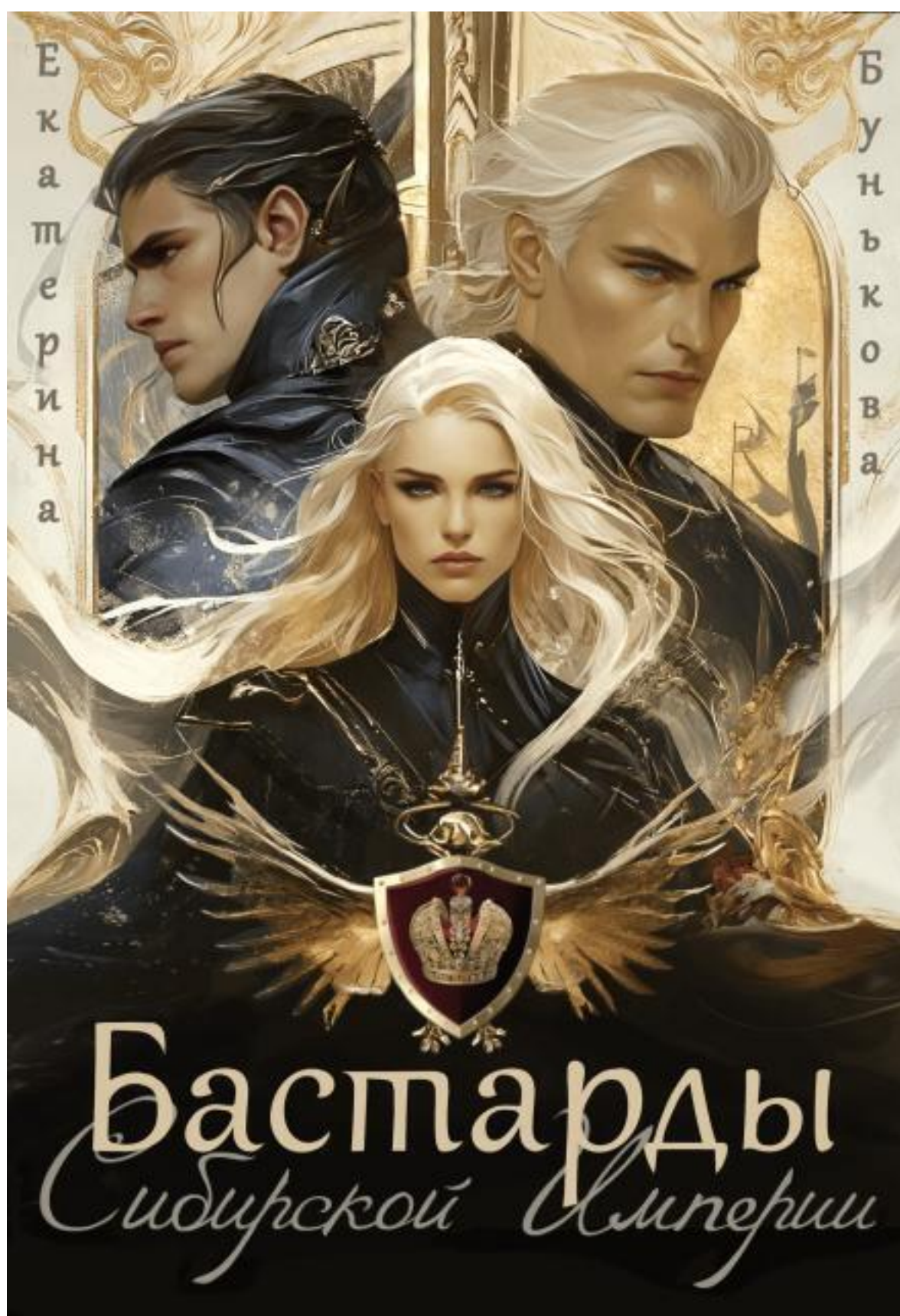

Е
к
а
т
е
р
и
н
а

Б
у
н
ь
к
о
в
а

Бастарды

Сибирской Империи

Екатерина Бунькова

Бастарды Сибирской Империи

«Литнет»

2025

Бунькова Е.

Бастарды Сибирской Империи / Е. Бунькова — «Литнет», 2025

Путешествуя по мирам, тщательно настраивай артефакт телепорта. А то однажды зашвырнет куда-нибудь на Сибирские просторы альтернативной версии России. В тело сироты из приюта. Без денег и без памяти. Кто я? Кто этот парень рядом? И почему над нами смеются, называя “бастардами”? А ну-ка, врежь этому зубоскалу, товарищ по несчастью, а я магией приложу. Ух ты, у меня и правда есть магия! Еще б вспомнить, откуда она и как ею пользоваться. Впрочем, память вернется, я уверена. А пока в голове пусто, давай покажем им, на что способны бастарды с уникальным даром! Главное, не забыть картошку выкопать. В тексте есть: – альтернативная версия России – с дворянами и магией в современности, – деревенский быт, артефактное фермерство и восстановление сиротского приюта, – таинственная аномальная зона, – наследие магов пространства и времени, – приключения и немного сражений. В тексте нет: разводов, измен, бывших, истинных, драконов и “предающего тела” И да, все будет хорошо! Но они не помнят, почему... Можно читать как однотомник. Имеются следовые количества грубоватых шуток и неидеальная героиня История пишется в рамках литмоба “Последняя из рода”;

© Бунькова Е., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Иллюстрации	14
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	38
Глава 11	40
Глава 12	43
Глава 13	46
Глава 14	50
Глава 15	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Пролог

Место было живописное — такое, что любой столичный художник заплатил бы нехилую сумму, чтобы сделать с него пару набросков. "Индустриальный пейзаж" — так это называлось в столице. Однако местные жители куда чаще говорили "трущобы" или "гадюшник".

Две заброшенные мануфактуры из красного кирпича глядели друг на друга разбитыми окнами. Тупичок между ними был завален ржавыми железяками, а дорога, ведущая к нему, давно растрескалась и поросла уже не только травой, но и вездесущими молодыми березками.

В этом-то тупичке и происходила очередная стычка. Банда молодых людей зажала в углу еще двоих ребят — бледного парня и тощую девчонку.

— Рябой, да держи ты крепче, она меня уже два раза лягнула! — возмутился один из нападающих, тщетно пытаясь приблизиться к брыкающейся жертве.

— Сам держи! Я, между прочим, тоже хочу поразвлечься! — ответил ему другой, который с трудом удерживал девушку.

— Отпустите ее! — отвлек их крик бледного парня — второй жертвы банды.

Его загнали в другой угол тупичка, но бедолага успел вооружиться куском железа и теперь отчаянно отмахивался от целой толпы. Хотя видно было, что сил у него с каждой минутой все меньше.

В этот момент девчонка извернулась и умудрилась пнуть одного из нападающих ниже пояса. Гад взвыл, а его жертва, торопясь отвоевать свободу, укусила второго бандита за руку.

— Ах ты...! — тот разразился мерзкой бранью, отбросил девушку на грудь металла и пнул ее по лицу. Раздался сдавленный крик, больше похожий на писк.

— Лиза!! — в ужасе завопил зажатый в другом углу паренек с железякой.

Увы, зря он отвлекся. В то же мгновение один из нападающих воспользовался моментом и всадил ему нож в живот...

— Ну и живучий, гад, — заводила сплюнул на истерзанное тело несколько минут спустя, когда всем уже надоело срывать на нем злость. — А мы ведь к нему по-хорошему. Даже денег за телочку предлагали.

— Ну он же типа благородный, они за даму заступаются, — пояснил другой, и банда глумливо заржала: очень уж непохожи были эти двое оборванцев на аристократов.

— Кстати о телочке, — оживился заводила и развернулся в сторону девчонки. — Рябой, ты чего это первым полез?!

Парень, которому доверили держать жертву, резко отпрянул от упавшей и вдруг принялся смущенно чесать затылок.

— Так это... я ничё не делал. Она сама...

— Сама на тебя полезла? — не поверил заводила.

— Не. Сама копыта откинула, — пояснил Рябой и неловко указал на распластанное перед ним тело. Чистые серые глаза, не мигая, смотрели в небо.

В тупичке повисла тишина.

— Слышь, Барон, ты тока не злился, — забормотал Рябой, ощутив на себе тяжелый взгляд заводилы.

Однако взгляд был действительно тяжелым, а шаг, который заводила сделал к подельнику — еще и угрожающим.

Второго шага Рябой дожидаться не стал и дал деру. Следом за ним, прихрамывая, поспешил и его напарник с отбитыми причиндалами.

Барон некоторое время скалился им вслед, явно решая, броситься или нет. Но потом, видно, решил, что гоняться за придурками ниже его достоинства. Только смачно харкнул.

– Че, может, оттащить тела? – предложил кто-то. – А то вдруг их искать будут.

– Да кому они нужны? – скривился Барон. – Бастарды же. Оставь, собаки съедят. Только время зря потеряли.

Он снова сплюнул и, развернувшись, неспешно пошел прочь. Его банда, боязливо оглядываясь на трупы, потянулась следом.

На заброшке снова стало тихо. “Индустриальный пейзаж” гармонично дополнился мертвыми телами. Окажись рядом талантливый художник, он определенно написал бы душераздирающую картину и заработал бы на ней миллионы. Но увы, в эти районы забредали только нищие, бандюки и... бродячие собаки.

Грязно-рыжий тощий пес, с клокастой шерстью и репьями на хвосте, осторожно зашел в тупичок. Некоторое время он принюхивался и прислушивался. Пару раз трусливо вздрогнул, заслышав где-то далеко полицейский свисток и крики.

Здесь же все было тихо, и псина бочком-бочком, но добралась до трупов. Обнюхала кровавую рану на лице убитой девушки, на пробу лизнула кровь. И вдруг отскочила, зарычав.

“Труп” шевельнулся и застонал, хотя еще минуту назад у него даже сердце не билось. В шее что-то хрустнуло, и она со щелчком приняла нормальное положение, а раны принялись затягиваться на глазах.

Более того, и второй “труп” вел себя похожим образом. Он болезненно застонал и скрючился, свернувшись калачиком. Переломанные кости одна за другой вставали на свои места, дыра в животе стремительно затягивалась.

При виде этой метаморфозы пес вздыбил жидкую шерсть и торопливо спрятался под ржавым железным листом – желание проверить тела на съедобность у него резко пропало.

Глава 1

Неизвестный мужского пола

– А-а... – простонал я и, не открывая глаз, схватился за живот.

Боль заливала все мое нутро. Саднило кожу в нескольких местах, крутило внутренности, а еще адски ныли ребра с правой стороны.

Щелк!

– Седые магистры! – выругался я, ощутив, как ломаются ребра.

“Впрочем, нет, они совершенно целые”, – понял я, схватившись за больное место и не найдя перелома.

С трудом разлепив глаза, я попытался осмотреть себя. Но увидел только грязь и кровь. Тогда я начал ощупывать живот, в котором, как мне показалось, были дыры. Но нет, там была только липкая влага. Живот еще болел, но глухо и где-то в глубине.

“Кажется, это не моя кровь”, – пришел я к единственному выводу, не найдя на себе отверстий.

Приподнявшись на локтях, я огляделся. Увидел заброшенные здания и мощеную узкую дорогу между ними. Кругом валялся ржавый металлолом и обломки кирпича. Все это густо поросло молодыми деревьями и травой.

– Ау... – послышался стон откуда-то справа.

Я повернул голову и увидел дико тощую и грязную девушку лет шестнадцати.

“Хотя, нет, – поправился я. – Кажется, она старше, просто недоразвита. И выглядит, как побирушка”.

Знакома ли она мне? Хм. Пожалуй, нет, первый раз вижу. И все же...

Я ожидал ее увидеть. С самого момента пробуждения знал, что кто-то должен быть рядом.

Но задуматься об этом странном факте я не успел. Девушка села, массируя нос, и повернулась ко мне. Ее лицо было испачкано почти запекшейся кровью, и на этом фоне чистые светло-серые глаза казались пронзительно яркими.

Мы уставились друг на друга.

– Ты ранена? – первым спросил я.

– Н... не знаю, – подумав, сказала она. Ощупала себя и добавила: – Кажется, нет. Только нос очень болит. И шея.

– Что с нами случилось? – спросил я, поняв, что не помню этого. – Ты ужасно выглядишь.

– Ты не лучше, – фыркнула девушка, наконец, отпустив нос и тоже оценив мой вид. – Это с тебя столько крови натекло?

Она как раз привстала, подошла, покачиваясь, и указала на огромное пятно крови подо мной.

– Я думал, это твоя, – честно сказал я, тоже приподнимаясь. – Кажется, у меня ран нет, хотя все очень болит.

Девушка ощупала себя, но не нашла серьезных ранений. У нее вообще было испачкано в крови лишь лицо, тело же оказалось измазано только дорожной пылью и немного травяным соком.

– Нет, я в порядке, – ответила она. – В первый момент показалось, будто нос сломан. Но потом что-то щелкнуло, и теперь он цел. Но да, болит ужасно. И слабость.

Она покачнулась. Я торопливо поднялся, чтобы подхватить ее, но сам оказался не в лучшем состоянии, и мы оба снова осели на дорогу. Впрочем, сознание не потеряли.

– Тебя как звать-то? – спросил я, убедившись, что никто из нас не умирает.

– С... – начала было девушка и вдруг споткнулась. – Слушай, я не помню.

– Наверное, головой ударилась, – сочувственно предположил я, оглядев кровавые потеки на ее лице. – Но ничего, вспомнишь. Все будет хорошо, я это точно знаю.

Я не врал. Эта уверенность в том, что меня ждет веселое приключение и что бояться нечего, проснулась даже раньше меня, и сейчас я ощущал некое предвкушение.

– Хм. Я тоже в этом почему-то уверена, – прислушавшись к себе, сказала девушка. – А тебя самого-то как зовут?

Я открыл было рот, чтобы ответить... и со стуком его закрыл. Седые магистры, да у меня в памяти пусто, будто там стая голодных виверн пробежала! Кто я? Как сюда попал и зачем? Ничего не помню.

– Кажется, я тоже забыл, – признался я.

Мы уставились друг на друга в одинаковом недоумении. Не знаю, как у нее, а у меня в голове была звонкая пустота, будто это и не голова вовсе, а колокол, по которому минут пять назад жажнули кувалдой, и он все еще остаточно гудит и вибрирует.

– Что последнее помнишь? – спросил я.

– Ничего, – подумав, ответила девушка. – В голове пусто.

– Пойдем тогда других людей поищем, – предложил я самый логичный вариант в данной ситуации. – У них и спросим, что случилось.

– Давай, – согласилась она.

Мы оба встали. Девушка опять покачнулась от слабости, и я подставил ей плечо. Мы огляделись, выбирая маршрут. Но выбирать оказалось не из чего – дорога была только одна, так что по ней и зашагали.

Однако стоило нам приблизиться к груде металлолома, как из нее что-то выскочило. Да так резко, что я отшатнулся и едва не уронил девушку, за что мне сразу стало неловко.

– Чтоб ты провалился! Тьфу! – в сердцах выругался я, поняв, что это всего лишь плешистый бродячий пес.

– Это ж просто собака, ты чего? – с укором глянула на меня девушка. – И он от нас бежит, а не к нам.

Псина и правда улепетывала со всех ног и уже скрылась за углом. Я покраснел: теперь все выглядело так, будто я какой-то собаки испугался. Да просто от неожиданности дернулся!

– Идем, – буркнул я, подхватывая с земли железяку потяжелее.

Ну, попадись мне еще, тварина рыжая! Уделаю, будешь знать, как пугать благородных... э... А кто я вообще? Ничего не помню.

Шанс поквитаться с противником представился мне даже раньше, чем я рассчитывал: мы и до выхода из тупичка не дошли, как плешистая псина метнулась в обратную сторону.

Я не успел замахнуться, как эта сволочь уже коснулась моей ноги. Я ожидал болезненного укуса, но... пес пролетел мимо, лишь слегка задев меня. А в следующее мгновение из-за угла выбежала целая свора!

Девушка что-то пискнула и вцепилась мне в плечо. Я тоже весь напрягся и крепче сжал железяку. Бродячие собаки – это очень опасно.

Заметив нас, стая замерла: они явно не ожидали увидеть здесь людей. И вожак – крупный черный пес – сейчас решал, что с нами делать.

– Они защищают территорию, – шепотом сказала девушка. – Нам надо просто медленно уходить спиной вперед, и тогда они не бросятся. Наверное...

Идея была здравая. С одним но: мы находились в тупичке и свора загораживала единственный выход. Девушка тоже это поняла и заткнулась.

Я ощутил, как что-то снова прижалось к моей ноге. Похоже, плешистый пес решил, что я и девушка – это стая, и попытался в нашу стаю втереться младшеньким.

По-хорошему, надо было пнуть блохастого, чтоб дальше летел. Но в данной ситуации он был прав: чем крупнее наша “стая”, тем больше шансов выжить.

– Чтобы я, единственный наследник рода... м... блин! – я скрипнул зубами от невозможности даже толком сформулировать свое возмущение и лишь притопнул ногой.

Вожак дернулся и зарычал еще громче. Псы стаи один за другим присоединились к нему. Раскатыстый рык пяти глоток разлетелся по тупичку.

– Леди... простите, не знаю, как зовут, но отойдите мне за спину, – попросил я и встал в боевую стойку. – И лучше отступите метра на полтора, чтобы я не задел.

Девушка попыталась было что-то возразить, однако у нее в руках не было даже палки, так что пришлось ей выполнить мой приказ.

Стоило ей отойти, как я почувствовал себя куда увереннее. Пропала опасность зацепить “своего”, и теперь я мог как следует замахнуться.

Умом я понимал, что как только брошусь вперед, от меня останутся одни лоскуты. Но отчего-то внутри сидело четкое осознание: все будет хорошо. В какую бы драку ни ввязался, с кем бы ни сцепился – все будет хорошо.

Додумать, откуда могла взяться эта уверенность, я не успел: вожак рванулся в мою сторону. Не медля ни мгновения, я закричал и побежал навстречу.

Первый удар я рассчитал точно. Железяка сбрыкала по крепкому черепу пса, и тот, оглушенный, отлетел в сторону. Однако не успел я вернуть импровизированную палицу в положение замаха, как на меня бросились еще двое, целясь в шею.

Вшух!

Я ушел в сторону и сам обалдел от того, что сделал. Мне смутно вспомнилось, что это называется “маневр уклонения”. И что используется он в бою с крупногабаритным противником. Следовало пропустить такого противника мимо себя, а затем попытаться резануть его шею сзади.

Однако собаки крупным противником не были, да и у меня в руках был не клинок. Так что псы пролетели мимо, а мой удар железякой по заднице последнего лишь придал тому ускорение.

– А-А-А!! – оглушительно завизжала девушка, а в следующее мгновение мне в спину ударило магическим импульсом.

Удар был силен. Загрохотал металлолом, вылетели остатки стекол из окон. На мгновение у меня даже сознание помутилось, а два пса, будто выброшенные катапультий, пролетели в обратном направлении – им досталось куда сильнее, ведь именно на них и была направлена магия.

“Концентрированный кинетический удар”, – тут же вспомнилось мне название этого приема. А еще я вспомнил, что никогда не владел им, только попадал под такую атаку пару раз.

“Наверное, девчонка меня и прикладывала”, – сделал я единственный логичный вывод.

Но размышлять о том, откуда у меня боевые навыки, а у нее – магические способности – было некогда, потому что нужно было пользоваться ситуацией.

Пока лохматый вожак был в нокауте, а его оглушенные кинетикой подельники пытались понять, где земля, а где небо, я едва успел замахнуться и ударить четвертую тварь. А вот пятую остановить никак не успевал. Та совершила прыжок, целясь мне в горло.

Я попытался снова уклониться, уже понимая, что не успеваю. Однако в следующее мгновение между мной и разъяренным монстром мелькнула рыжая молния. Плешивый пес, видно, решил выложиться перед смертью на полную катушку и вгрызся в горло сопернику так, будто решил разодрать его еще в полете.

Они сбили друг друга и повалились на землю, рыча, визжа и вздымая клубы пыли с грязных шкур. В тупичке разразился маленький торнадо, в котором мелькали клочки шерсти и оскаленные клыки.

– А-а-а! – закричал я для храбрости, размахнулся железякой и тоже поспешил рвануть в атаку – на оставшихся.

Однако в этот момент вожак стаи наконец очнулся. Он оценил расклад, глянул на меня и... драпанул со всех лап!

Тут же и вся стая дала деру, будто словив ментальный приказ. Задержался разве что тот, которого драл рыжий, но и он в конце концов вырвался и устремился следом. А рыжий пес погнался за ними.

Наверное, со стороны это выглядело комично: плешивая тощая шавка гонит целую стаю. Но посмеяться было некому. Впрочем...

– Беги, Форрест, беги! – завопила девушка и принялась подпрыгивать на месте и махать рукой, поддерживая “нашу” псину. Похоже, страх отступил, и девчонка развеселилась.

– Форрест? – переспросил я. – Так это твой пес?

– Нет, – рассмеялась она. – Форрест это... это... Вроде, мужик какой-то. Ох, я не помню. Что не так с моей памятью?

– Но что-то ты все-таки вспомнила, – заметил я. – И я тоже. Правда, смутно. Мне кажется, меня когда-то учили боевым искусствам. А ты, похоже, магичка.

– Я?! – искренне изумилась девушка.

– Ну не я же сам себя в спину кинетическим ударом приложил. – Мне стало смешно. – Или хочешь сказать, это был блохастый пес?

– Я не умею колдовать, – заверила меня девушка. – Вот точно-точно, зуб даю, что никогда этого прежде не делала! Да и вообще... какая магия? Я, возможно, и долбанулась головой, но не настолько же.

– Псины отлетели от тебя метров на пять, – заметил я. – Если ты этого раньше не делала, то... то поздравляю, теперь можешь. Запомнила, как? Позу, ощущения, ментальный настрой?

– Что? – она уставилась на меня в недоумении. – Если ты про мое самочувствие, то с ощущениями у меня все плохо. Такое чувство, что тело не мое. Я должна быть старше. И не такая тощая.

Она продемонстрировала мне ножки-палочки.

– Да, я тоже должен быть выше и крупнее, – сказал я, вспомнив, что в бою высота обзора мне все время казалась странной, слишком низкой, а руки – слишком слабыми. – Я в этом теле, будто в обуви с чужой ноги.

– Да-да! – подтвердила девушка. – У меня такие же ощущения. Хотя, постепенно привыкаю. Но хотелось бы понять, что происходит.

– Пойдем дальше, пока собаки не вернулись, – предложил я, кивнув на конец улицы. – Слышишь шум? Похоже на городской гул. Думаю, там есть еще люди.

Девушка кивнула, и мы пошли по заброшенным заводским кварталам, торопясь покинуть опасное место.

Глава 2

Неизвестная женского пола

Я глядела по сторонам и не могла избавиться от ощущения, будто приехала с классом на историческую экскурсию, и мы с другом на ней заблудились. По крайней мере, парень явно не узнавал место, а я – тем более, но все выглядело очень древним.

“Похоже на заброшенные старинные заводы или мануфактуры”, – подумала я.

Вокруг были здания из красного кирпича с высокими решетчатыми окнами. Стекла в них местами уже выбили, а те, что остались целыми, были запылены до непроглядного состояния.

“Эх, вот бы купить это местечко, – мечтательно подумала я. – Вычистить мусор, поменять битые стекла, двери нормальные установить. Потом сделать гостиную в стиле “лофт”, поставить дизайнерскую мебель”.

Я представила, как сижу в такой гостиной и пью кофе, любуясь собственным домом. Но вряд ли у меня были деньги на такое.

Осененная запоздалой мыслью, я остановилась и ощупала себя. Увы, ничего не нашла в карманах. У меня и самих карманов-то не было!

– Ты чего? – спросил парень, заметив мои манипуляции.

– Да вот, хотела проверить, есть ли у меня деньги или еще какие важные мелочи, – призналась я. – Но, похоже, ничего. Если что-то и было, теперь этого нет.

Парень задумался и тоже принялся ощупывать свои карманы – у него-то они были. Вынул оттуда гайку, два пустых патрона и грузило для рыбалки — типичный мужской набор, ага. Мужскую суть трудно потерять, она неубиваема.

– Ни денег, ни документов, – подытожила я. – Да мы бомжи, друг мой!

– Кто такие бомжи? – тут же спросил он.

Я только рукой махнула.

Наконец мы выбрались из заброшенного квартала прямо на оживленную улицу.

Зрелище оказалось любопытным. Маленький городишко жил своей жизнью. Цокали по улицам копыта лошадей, тянувших повозки, дзынькали звонками велосипеды. И даже один мотоцикл промчался, вызвав восхищение молодежи и ругань старшего поколения.

Местных обитателей городская суета, похоже, нисколько не удивляла. А вот я не могла отделаться от ощущения, что что-то здесь не так.

– Как по одной дороге могут разезжать телеги с лошадьми, рикши на человеческой тяге и мотоциклы? – наконец сформулировала я свое недоумение. – А спортивные штаны “Адибиси” вместе с пиджаком и тростью – это вообще что?

Я ткнула пальцем в группу нелепых “модников” и тут обратила внимание на вывеску магазина, подле которого те стояли.

– Ты посмотри, тут “ять” в названии! – ахнула я.

– Что такое “ять”? – не понял мой товарищ по несчастью.

– Ну буква такая древняя – “ять”, – пояснила я. – Ее же отменили давно.

– Ты еще что-то вспомнила? – удивился он.

– И да, и нет, – ответила я. – Смутные обрывки. Хотя вот эти “яти” и “еры” в каждом названии забавляют. И мальчишки, торгующие газетами... это похоже на...

Я защелкала пальцами в воздухе, пытаюсь подобрать слово, но не справилась.

– Нет, не помню, – вздохнула я. – Специально не получается вспомнить. Просто чувство, что так не должно быть.

– У тебя хоть что-то в голове всплывает, – заметил парень. – У меня же только чувство, что я здесь никогда не был.

– Да знаешь, у меня такое же, – призналась я. – Вроде, что-то есть знакомое во всем этом. Но в то же время все кажется древним. И некоторые вещи вместе выглядят нелепо.

– Какие, например? – уточнил парень.

– Ну вот, смотри, телевизор из экипажа выгружают, – пояснила я, указав на коробку с изображением “плазмы”. – Нелепо же! Телевизор – и на конном экипаже перевозят. Соломку подстелили, чтоб не разбился от тряски. Смешно.

– А я даже не помню, что такое телевизор, – признался парень. – Хотя... вроде, он картинки показывать должен, да? Магические.

– Чего? – фыркнула я. – Он электрический вообще-то.

– А что значит “электрический”? – тут же уточнил парень.

Я хотела было ответить, но, подумав, сказала совсем другое:

– Наверное, нам с тобой надо в больницу. Мы либо головой ударились, либо чем-то отравились. Так и так лечить надо.

– Ты права. Нам точно нужен лекарь, – подтвердил он.

Мы не стали раздумывать и тут же обратились с этим вопросом к ближайшему мужичку, что курил, привалившись к фонарному столбу.

– Простите, милейший, – вежливо обратился мой товарищ. – Вы не подскажете, где ближайшая лечебница?

– А, погань! – скривился мужик и сплюнул нам под ноги – я только отскочить успела. – Совсем оборзели – к приличным людям подходить! Вы хоть в луже помойтесь, что ли, обрванцы.

Он брезгливо отряхнулся, будто даже от разговора испачкался. Вот гад!

Мы с товарищем отошли от хама и оглядели друг друга. И правда, наши одежды были не только старыми – как, впрочем, и у многих в этом городе – но и на редкость грязными. Да и засохшая кровь никуда не делась.

– Что, я так страшно выгляжу? – спросила я, заметив, какими глазами на меня смотрит мой товарищ.

Тот многозначительно промолчал.

Я подошла к ближайшей витрине. В отражении возникла невзрачная девчушка – невысокая, в простеньком коротком платье, больше похожем на перешитую мужскую рубаху. Ноги мои были такими худыми, что коленные суставы сильно бросались в глаза. Да и волосы оказались жидкими, и бантик на тощей косичке смотрелся нелепо.

– Боже, какая я страшная! – ужаснулась я, осознав, что отражение и правда мое. – Ты посмотри, я же скелетина! И вообще выгляжу так, будто гепатитом переболела.

– Чем-чем? – не понял парень.

– Гепатитом, – повторила я.

– Это что еще такое? – удивился он.

– Ну гепатит, болезнь печени, – пояснила я.

– Первый раз слышу, – признался парень. – Мне кажется, ты помнишь больше меня. Как куда ни посмотришь – обязательно что-нибудь вспоминаешь. А я все смотрю-смотрю, и только чувство, будто я тут чужак, крепнет.

– Может, ты из другого города? – предположила я. – И я, наверное, долго тут не была, поэтому город кажется мне знакомым, но изменившимся.

– Возможно, – подумав, сказал он. – Тогда как мы оказались в том тупике вдвоем?

– Да, загадка, – признала я. – Хотя мне почему-то даже не страшно. Только тебя потерять боюсь. Скажи, что ты меня не оставишь, пока мы все не выясним.

– Само собой! – с каким-то даже возмущением ответил парень. – Я даму в беде не брошу. Для надежности и в доказательство своих слов он взял меня за руку.

Некоторое время мы еще пытались выспросить у прохожих, где находится больница. Но довольно быстро выяснили, что даже если найдем ее, помогать оборванцам никто не будет – по косвенным признакам стало ясно, что “хоспиталь” чернь не обслуживает. По крайней мере, бесплатно. А денег у нас не было – это мы уже выяснили.

Мы бы еще долго скитались по торговой улице, если бы не привлекли внимание городского.

– Вы что здесь делаете, побирушки? – грозно спросил мужчина в выгоревшем мундире. – Палки захотели отведать? Так я сейчас угощу.

Он продемонстрировал нам дубинку, но осуществлять угрозу не стал – просто намекнул, что попрошайкам не место на такой улице, где ходят цивилизные люди.

– Простите, мы потерялись, – решила я заговорить первой, ведь к девочкам стражи закона обычно относятся мягче. – А я, кажется, головой ударилась, не понимаю, как здесь оказалась. Сама бы рада домой вернуться, да не знаю, где он, этот дом.

Городовой оглядел кровавые корки на моем лице, покачал головой и сказал:

– Вы чего мне голову морочите? У вас же нашивки приютские у обоих, – он ткнул пальцем в грудь парню.

Я вгляделась и с трудом, но различила буквы “ПСМ”. Немудрено было их не заметить, ведь они были вышиты тяп-ляп, да еще и заляпаны кровью и грязью. Только наметанный глаз профессионала и смог отличить.

– Приют Святого Митрофана, – расшифровал городской. – Идите домой, а то шпана привяжется, и уже не дойдете. Не любят местные байстрюков.

– Вы хоть подскажите, где приют-то, – попросила я.

Мужчина посмотрел на меня с подозрением – видно, не особенно поверил в потерю памяти, особенно у двух человек сразу. Но все же ответил.

– Вон в тот переулок сверните, – сказал он, показав в нужную сторону. – Да идите до водонапорной башни. За башней направо. Там все прямо-прямо до конца улицы, и за пустырем увидите церкву. Так вот подле церкви ваш приют и есть.

– Спасибо! – искренне поблагодарили мы первого встреченного нами доброго человека и пошли в указанном направлении.

– А кто такие “байстрюки”? – спросил парень, когда мы отошли на приличное расстояние.

– Понятия не имею, – честно ответила я, хотя слово показалось смутно знакомым. – Но нас тут, похоже, не любят.

– Это потому что мы грязные, – с уверенностью отозвался мой товарищ. – Нам бы помыться и вещи сменить.

– Да, давай поторопимся, – кивнула я. – А то люди косятся.

Иллюстрации

Как известно, на вкус и цвет товарищей нет, и не все любят, когда им навязывают картинку героя. Так что если не любите, бегите из этого раздела!

Однако я придерживаюсь мнения, что иллюстрации все же создают некий неотъемлемый "вайб" истории. Хороший художник не навязет вам свое видение героя, а лишь дополнит картинку в вашей голове.

Хотите мельком "пролистать" весь цикл и увидеть, что вас ждет помимо приключений двух оборванцев в провинциальном городке? Тогда листайте.

Прежде всего это, конечно же, сочетание магии и технологий.

Ах да, вот еще артефакт из приквела "Лавандовый снегурчик". Но этот артефакт герои только что посеяли :D

Даже хорошо, что вы еще не знаете персонажей по именам. Можно мельком увидеть их и решить, хотите ли дочитать до этого момента. Например, познакомиться со студентами-аристократами, "золотой молодежью" из второго тома:

Золотой, белый и черный в этой истории - цвета флага Сибирской Империи. Они же - цветовая кодировка одежды, знак принадлежности к высшему обществу.

Это все были иллюстрации от разных артеров. А сейчас будут иллюстрации от автора - не такие шикарные, зато отражающие приключенческую суть книги:

 Часть иллюстрации взята из еще только готовящихся к публикации глав. Но так как вы еще не знаете этих персонажей, то и спойлера не будет)) Считайте, что вы просто полистали книгу в книжном магазине.

В любом случае, добро пожаловать в мои истории, где есть приключения, юмор, запоминающиеся персонажи и необычные места!

А теперь особый ахтунг - анимэ-версии иллюстраций из третьего тома. Поместила отдельно, так как знаю, что не все переносят этот стиль. Если вам такое не нравится - срочно перелистывайте.

Глава 4

Маршрут, выданный городовым, оказался прост и понятен. И только один важный момент не уточнил мужчина: приют был очень далеко.

– Я не дойду, – простонала я, оценив расстояние.

После часа ходьбы мы вышли из города, и выяснилось, что та самая церковь лишь едва-едва виднеется вдаль, среди холмов и участков леса.

Я и так чувствовала себя слабой и истощённой, а после долгих петляний по улицам силы и вовсе кончились. И теперь, увидев, сколько ещё предстоит пройти... Эх...

– Не сдавайся, – подбодрил меня товарищ по несчастью. – Тут осталось-то всего ничего! Еще полчаса, и мы на месте.

– Да я вижу, что ничего, – сказала я, подпирая руками усталую спину, как старушка. – Но ноги почти не ходят. Я будто сквозь желе продаюсь, с каждой минутой все труднее. И дышать тяжело. Так и хочется прилечь прямо тут, на обочине.

– Наверное, мы с тобой просто ослабли от недоедания, – предположил парень. – Мне кажется, я неделю не ел.

– И у меня в животе пусто, – признала я. – От голода даже тошнит.

– Так что давай немного отдохнем и все-таки дойдем, – подытожил он. – Авось, в приюте покормят, и нам полегчает.

– Хорошо, – согласилась я и огляделась в поисках удобного места для отдыха.

Вокруг раскинулись поля с редкими клочками кустарника. Но в отдалении виднелся и довольно густой лес.

– Смотри, речушка, – я указала пальцем вперед.

Там действительно виднелась небольшая река. Через нее были перекинuty аж два мостика – один старинный, каменный, а другой, наоборот, деревянный. Причем подле каменного берег был пологий и песчаный, а подле деревянного – крутой и заросший кустами.

– Давай вон там на пляже отдохнем, – предложила я, сразу представив, как приятно будет полежать на прогретом солнцем песке. – Умоемся заодно.

Парень проследил, куда я указываю, пригляделся, и вдруг его брови в изумлении поползли вверх.

– Что? – не поняла я и снова поглядела в ту сторону.

– Так странно, – протянул он. – Смотри, дорога раздваивается и вдалеке снова сходится. Причем одна дорога прямая, а другая – полукругом.

– И что в этом странного? – не поняла я.

Город был на возвышении, и местность впереди была хорошо видна, так что я тоже увидела забавное ответвление дороги, напоминающее беременную мышь. Но не уловила, что здесь не так. Ну, петля и петля.

– То, что прямая дорога местами поросла травой, а грунтовка – хорошо прокатана, – сказал парень. – Зачем люди ездят в обход по длинной плохой дороге, если есть мощеная и прямая?

– Может, на брусчатке трясет слишком сильно? – предположила я. – У телег колеса твердые, без резины. Наверное, по брусчатке неудобно ездить, вот местные и протоптали себе другую тропинку.

– Хм, – протянул парень, оценивая мое предположение. – Но почему такая большая петля?

– Может, по левой дороге земляника растет, – продолжила предполагать я. – Или ключ бьет, и можно воды по пути домой набрать. Да мало ли? Или ты думаешь, что под каменным мостом прячется тролль и требует с путников деньги за проезд?

– М? – парень с изумлением повернулся ко мне. – Троль?

– Ну, это типа сказка такая, – пояснила я.

– Что, опять в памяти что-то мелькнуло? – уточнил он.

– Ага. Флешбэк, – вспомнила я еще одно подходящее слово и улыбнулась.

А память-то и правда понемногу восстанавливается! Правда, такими темпами я год буду вспоминать все, что забыла. Ну, будем надеяться, что вид приюта подстегнет мои воспоминания, и они всплывут все разом.

– Короче, давай доползем уже до песочка и приляжем, – я постаралась собрать оставшиеся силы на последний рывок.

Парень кивнул, и мы, поддерживая друг друга, поплелись в сторону каменного моста и такого заманчивого песчаного пляжа.

О, если бы я только знала, как долго буду туда идти...

Бз-зь... бз-зь... Шлеп!

Я ударила себя по щеке, прихлопнув назойливо жужжащего комара. И тут поняла, что на некоторое время, кажется, выпала из реальности, а хлесткий удар заставил меня очнуться.

Оглядевшись, я обнаружила, что мы медленно бредем по грунтовой дороге, хотя до этого шли по брусчатке и собирались идти по ней дальше.

– Эй! – окликнула я парня, который шел и смотрел в одну точку на горизонте, ничего не видя. – Очнись! Мы не туда идем.

– А? – он встрепенулся. – Ой, извини, кажется, я задремал на ходу.

– Не ты один. Это все от усталости.

Я дружески похлопала его по плечу, да так и оставила руку, держась за товарища: без отдыха идти было все труднее, и мне уже хотелось просто присесть прямо в пыль на обочину. Но я пока держалась. По крайней мере, за друга.

– Мы пропустили поворот? – наконец и он заметил проблему.

– Я бы сказала, что мы, наоборот, зачем-то свернули в сторону с совершенно ровной дороги, – сказала я, указав назад, где городская брусчатка раздваивалась, и от нее отделялась сельская грунтовка.

– Хм. Что-то я устал, – сказал парень, смущенно почесав в затылке. – Вернемся к развилке или пойдем к пляжу через поле?

– Через поле, – выбрала я. – Зачем возвращаться?

– А тебе ноги не оцарапает? – усомнился парень.

Я глянула вниз, и только тут сообразила, что все это время шла босиком и даже не замечала этого.

– М-да, – протянула я, разглядывая свои стопы – грубые, привычные к босохождению. – Педикюр по мне плачет. Ну да ладно. Зато с такой грубой кожей я и через поле могу.

– Похоже, мы с тобой нереально нищие, – задумчиво протянул парень, оглядев и свои ноги – такие же босые и такие же грязные.

– Или просто любим бегать босиком, – я беспечно пожала плечами. – Но прямо сейчас я хочу не бегать, а полежать. И может быть даже поспать на пляже.

Парень кивнул, мы сошли с дороги и зашагали напрямик через поле к такому заманчивому песчаному берегу. Опять.

– Сволочь!

Я вздрогнула от неожиданно раздавшегося ругательства и закрутила головой, пытаюсь сообразить, кто я и где я. Вспомнила, что ничего не помню. Почувствовала, что еще больше устала. А еще обнаружила, что мы опять идем по грунтовке!

Впрочем, парень уже не шел – он прыгал на одной ноге, придерживая другую. Похоже, отбил мизинец, споткнувшись о камень, и его ругань привела меня в чувство.

– Э-э... – протянула я, недоуменно почесывая в затылке. – А что сейчас было? Почему мы опять не дошли до каменного моста?

Парень перестал шипеть из-за отбитого пальца, выпрямился и огляделся.

Мы стояли на грунтовой дороге, причем прошли по ней еще дальше, чем были. А в траве виднелось полукольцо вытоптанной нами тропинки.

– Мы что, зашли в поле, сделали петлю и вернулись на дорогу? – не поверил он.

– Полагаю, что так, – подтвердила я. – Спим на ходу.

– Или это место заколдованное, – выдал другое предположение парень.

Я фыркнула. Похоже, он был тем еще любителем всякой мистики. Вот, уже второй раз заговаривает о магии: в прошлый раз пытался меня убедить, что я побила собак каким-то там “кинетическим ударом”. Хотя я ничего такого не делала и в момент, когда на меня бросились два диких пса, просто вскинула руки и закрыла глаза со страху.

– Извини, но я в магию не верю, только в науку, – сказала я. – А в науке нужны эксперименты. Давай теперь ты один сходишь. Я все равно больше не могу.

– Давай, – согласился он. – Намочу для тебя рубаху: вдруг дело в солнечном ударе?

– Хорошая идея, – кивнула я.

– Ага, я сейчас, – сказал парень и снова пошел в траву.

Я пошлепала себя ладонями по щекам, пытаюсь разогнать дурную дремоту и оцепенение. Думать почему-то было трудно. Я дико устала и проголодалась. Очень хотелось, чтобы кто-нибудь взял меня на ручки и отнес домой. Но я не помнила даже, как выглядит этот самый дом.

Мне не удалось просидеть и пары минут, как мой непутевый спутник вышел на середину дороги и встал, одурело оглядываясь, метрах в трех от меня. Голова у него так и осталась сухой. Вид был на редкость дебиловатым – даже слюна из уголка рта стекала.

“Опять все забыл”, – поняла я, уже не удивляясь.

Мне вдруг стало смешно и захотелось подшутить над своим спутником, к которому я испытывала необъяснимые дружеские чувства. Преодолев усталость, я поднялась, зашла ему за спину и тихо сказала:

– Бу.

– Кто здесь?! – парень аж подскочил.

– Смерть твоя! – шутливо сказала я и добавила: – Безымянная.

– А? А-а-а, точно, – протянул он. – Вспомнил.

– Ты до реки-то дошел? – спросила я, махнув рукой в ту сторону.

– До реки? – не понял он и принялся оглядываться. – А... ага... мне же голову напекло. Пойду схожу.

Он развернулся и под моим любопытным взглядом вновь пошел в поле, пошатываясь. Однако пару минут спустя все повторилось. Парень вернулся на дорогу, выглядя, как сомнамбула, и совершенно забыл, зачем ходил. Пришлось вклеить ему несильную пощечину, чтобы быстрее вернулся в реальность.

– Наваждение какое-то! – возмутился он, вспомнив все. – Почему я не могу дойти до реки?

– До реки или до брусчатки? – уточнила я, оглядывая петли помятой травы в поле, оставленные нами. – Мне кажется, мы не можем подойти именно к брусчатке.

Поразмышляв о странном явлении, мы поставили пару экспериментов и выяснили, что дело действительно не в реке, а в зоне справа от нас – в нее нельзя было углубиться. При любой попытке сойти с грунтовки человек впадал в сонное состояние и, как сомнамбула, возвращался обратно.

– Ладно, подумаем об этом как-нибудь потом, – задумчиво протянул парень, оглядывая на вид совершенно невинную аномальную зону. – А сейчас давай все-таки дойдем до приюта. А то тебя, гляжу, совсем уже ноги не держат. Да и я стою с трудом.

– Да не говори, – вздохнула я. – У нас, наверное, анемия от плохого питания.

– Ане... чего? – не понял парень.

– Потом, – отмахнулась я. – Все потом. Нам нужна еда и отдых. Я сейчас сдохну от голода. Пошли кругом, раз по прямой никак.

И мы пошли, точнее, уже практически поползли в сторону неведомого приюта.

Глава 5

Неизвестный мужского пола

– Господи, Лиза! Кирилл! – всплеснула руками строгая на вид монашка и выронила из рук корзину, стоило ей увидеть, кто зашел во двор приюта.

Мы с девушкой переглянулись. О, а вот и наши имена! Интересно, какое из них мужское? Звучат уж больно непривычно для моего уха. Почему – не знаю. Но такое чувство, будто раньше меня звали совсем не так.

Однако нас определенно тут узнали. Вон, монашка уже бежит к нам, смешно перебирая ногами под своим безразмерным балахоном.

– Лиза, это что, кровь?! – ужаснулась она, добежав и ухватив девушку за лицо обеими руками. – Вы опять подрались с кем-то? Кирилл, я ж тебе говорила – не лезь к городским!

Последние слова были адресованы мне, и я смущенно почесал в затылке. Значит, Кирилл – это я. И выходит, я уже не раз встречал в драки, раз претензия прилетела даже без расспросов. Я хулиган? Да вроде, не чувствую в себе ничего такого.

– Лизонька, откуда столько крови? – тем временем продолжала допытываться монашка у девушки. – Не вижу раны. А ну, пойдем в лазарет. И ты, Кир... Господи, да ты тоже весь в крови! Агафья! Агафья!

Не успели мы толком разобраться, что да где, как вокруг нас возникла страшная суета. На тесный дворик выбежала вторая монашка – смешная и низкорослая, ростом едва ли выше гномихи. Она тоже при виде нас всплеснула руками и запричитала, а потом, подобрав полы выцветшего одеяния, метнулась в пристрой. Из окон тем временем повысовывались детские мордашки.

Нас торопливо отвели внутрь здания и усадили на хлипкие стулья, выгнав любопытную малышню. Тут же та самая Агафья принесла таз воды и тряпку, и нас начали осматривать, попутно слегка отмывая: Лизе – лицо, а мне – живот.

– Не вижу раны, – озабоченно бормотала высокая монахиня, оттирая кровь с моей кожи. – А на рубашке – дыры кровавые. Как так?

– Не знаю, – честно сказал я.

– Не знаешь? – возмутилась женщина, убедившись, что я не умираю и в лекарской помощи не нуждаюсь. – Явился домой весь в крови и не знаешь? Да я вот тебя сейчас розгами высеку, чтоб не повадно было! А ну, сымай порты, подставляй зад! Ишь, повадился!

Я схватился за стул, прижав к нему седалище понадежнее. Это что еще за номер? Меня розгами сечь?! Взрослого парня? За что?

Впрочем, оказалось, что угроза была пустая, и суровая тетка таким образом лишь высказала свое возмущение.

– Последнюю целую рубаху испоганил! – сокрушенно цокнула она, оглядывая прорехи в ткани, которые я увидел только сейчас. – Вам в люди надо выходить, а вы...

Отчаявшись найти слова для своего возмущения, монашка махнула рукой и отошла в сторону, где принялась что-то бормотать – кажется, начала читать молитвы.

Я немного устыдился. Женщины казались мне совершенно чужими и незнакомыми, но видно было, что они за нас искренне переживают.

– Простите, – покаялся я. – Не помню, как это случилось, но я наверняка не специально.

– Он даже не помнит, – монахиня все так же адресовала свои слова потолку, то есть, наверное, своему богу.

– Мы вообще ничего не помним, – поддержала меня девушка. – С нами что-то случилось. Даже вот до приюта не знали, как добратся, людей пришлось расспрашивать.

Однако монахини, похоже, нам не поверили.

– Ой, чего только эти дети не выдумают, – отмахнулась добродушная Агафья, оттирая последнюю кровавую корочку на щеке моей подруги. – Сказочники.

– Но это правда! – сказала девушка. – Мы забыли даже наши имена. И ваши тоже.

– Лиза! – возмутилась строгая монашка. – Ну ладно, Кирюшка дурак, но ты-то чего ему подыгрываешь? Я тебя зачем с ним отправила?

– Зачем? – смутившись, послушно уточнила девушка.

– Чтобы ты за этим балбесом проследила! – монашка подошла и постучала сухим пальцем по моему лбу. – Чтоб он до купца Муратова дошел, все с ним обговорил и устроился, наконец, на работу. Ты устроился?

Она повернулась ко мне и вперила в меня вопросительный взгляд. А я что? Я понятия не имею.

– Нет, ты погляди на них, Агафья, – монашка, похоже, все поняла по моему взгляду. – Мы их, значит, растили, ночей не спали, переживали за них, весь город оббегали, ища хоть кого-нибудь, кто бастарда на работу возьмет, а они... тьфу!

– Да полно тебе, Глафирушка, – миролюбиво отозвалась вторая женщина. – А то ты не знаешь, какой Муратов скряга? Это он тебе, поди, обещал, что по десять рублей в день парню будет платить. А как Кирюшка пришел, так сразу и “Тощий ты, паря, такому только восемь платить могу”. Знает, что деваться нам некуда и работы другой нет.

– А хоть бы и восемь, и то хлеб! – суровая монашка уперла руки в боки. – Всяко лучше, чем ничего. Парню восемнадцать лет, скоро женить пора, а он все у нас на шее!

Мы с “Лизой” только переглянулись. Стало ясно, что в этом приюте мы оба живем с раннего детства, а то и с рождения. И что меня отправили в город на заработки, а я по какой-то причине не дошел – видимо, как раз-таки из-за драки, в которой и получил удар по голове. А так как Лиза была со мной, то досталось обоим.

Но все равно кое-что не сходилось. Если была драка, то где синяки? Чья кровь, если не наша? И почему мы оба все забыли?

– В общем, так, – наконец, что-то решила для себя строгая монахиня. – Хватит с меня ваших игр. Все! Надоело! Наказаны оба! Сейчас пойдете в поле, картошку копать. Всю!

– Глафирушка, так ведь рано еще, – попыталась отрезвить ее Агафья.

– Ничего не рано, ботва уже пожелтела, – ответила та. – Как раз, когда до конца поля дойдут, усохнет!

– Может, хоть на завтра перенесем? Они ж голодные и устали, – все-таки не сдавалась толстушка, чем вызвала наши жгучие симпатии. Да-да, покормите нас, пожалуйста! Мы уже на ногах не стоим.

Строгая монахиня вперила в нас суровый взгляд. Но, видимо, видок у нас был очень уж болезненный и замученный, так что ей пришлось немного отступить.

– Ладно, каши им остатки выдай, – велела она Агафье. – И часок на отдых. Но потом чтоб за работу!

Каша была отвратительная – без масла и даже без соли, просто какая-то желтая жижа. Но я был так голоден, что первые пять минут вообще не чувствовал вкуса, лишь торопливо закидывал еду в рот.

Однако когда голод притупился, и я чуть замедлился, то почувствовал вкус. И он мне не понравился.

– Что это? – тихо спросил я у подруги. Тихо, потому что подавшая нам эту пакость монахиня еще грохотала посудой в углу.

– Пшенка вроде бы, – так же шепотом ответила та, которую называли Лизой. – Только лежалая, похоже: затхлостью отдает и горчит. Ну и безвкусная совсем. Надеюсь, здесь не всегда так кормят.

Она с беспокойством покосилась в тот угол, где была печь и полки с посудой. Кухней этот закуток было назвать трудно – так, какая-то хозяйственная часть дома, в которой еще и готовили.

– Может, нас этим в наказание решили накормить? – шепотом предположил я, с отвращением глядя на желтую жижу в обкусанной сбоку деревянной ложке.

– Надеюсь, – почти беззвучно ответила девушка и явно через силу вернулась к еде.

На самом деле надежд было маловато. Чем больше я разглядывал помещение, тем больше убеждался: это не просто приют, это УМИРАЮЩИЙ приют.

Доски пола прогнили, а в одном углу провалились. Стулья были разномастные и, похоже, большую часть притащили со свалки или с той же заброшки, где мы очнулись. С другой стороны длинного стола и вовсе были лишь два чурбака и длинная доска, положенная на них на манер лавки.

Тарелок нам не выдали, просто поставили котелок и дали по ложке. Да и ложки были странные – деревянные, явно кустарного производства. Я таких никогда в жизни не видел. И крупу такую впервые попробовал.

“Или забыл, какая она на вкус, как забыл и все остальное,” – попытался убедить себя я, но не получилось.

Не пробовал я прежде такой дряни, это точно. И ложками деревянными раньше не пользовался. Да и закопченный котелок без ручки выглядел, как что-то иномирное, чего я никогда не встречал.

Да что там – мне даже само помещение казалось странным! Стены из бревен? Седые магистры, у них тут что, камней нет? А если вдруг пожар? Да эти стены вспыхнут в мгновение ока! А я не вижу тут ни одного противопожарного артефакта.

“Да и о каких артефактах может идти речь, если обитатели все в рванье?” – подумал я, невольно покосившись на нашу одежду.

Что на мне, что на девушке были какие-то в хлам застиранные рубахи, только Лизина была длиннее, а мою дополняли штаны. Ряса монахини Агафьи была чуть попрочнее, но и она выглядела крайне дешевой – ткань явно когда-то была черной, но вылиняла до лишайного серого цвета, как бывает, если использовался грошовый краситель.

Похоже, денег у приюта не было от слова совсем.

– Теперь понятно, почему мы оба такие худые, – пробормотал я, грустно глянув на остатки каши, доедать которую мне не хотелось, хотя я все еще был голоден. – На такой дряни сильно не растолстеешь.

– Не говори, – вздохнула Лиза. – Еще по ложке? Доесть-то надо, а то вдруг Глафира передумает и все-таки голодом оставит.

– Давай, – смиренно согласился я, и мы принялись через силу глотать эту мерзкую условно съедобную жижу. Надо же как-то силы восстанавливать, верно?

Впрочем, жаловался я зря. Хоть пресная каша и была тошнотной, но пока мы ее через силу глотали, первые порции, похоже, успели усвоиться. По крайней мере, бледные щеки подруги розовели просто на глазах, а сам я чувствовал, как рукам и ногам возвращается сила.

– Фух! – протянула Лиза, проглотив последнюю ложку. – Кто бы мог подумать, что эта штука такая сытная. В меня будто батарейку вставили! Могу еще раз до города дойти.

– Хм, – я не был в этом так уверен, хотя тоже ощутил, что мышцы перестают дрожать.

Мне смутно казалось, что дело не в каше, точнее, не только в ней. Я ощущал что-то вроде гудения в теле. В животе разливался жар – там в ускоренном темпе переваривалась пища. Да и кровь бегала по венам чуть быстрее, чем положено: на это намекало учащенное сердцебиение.

“Регенерационный конструкт”, – вынырнуло будто из ниоткуда понимание сути процесса.

Этому факту я несказанно обрадовался. Еще бы – память возвращается! Я не только вспомнил, что это такое, но даже сумел определить тип конструкта – простейшая базовая модель “Пилигрим”, которая работает при наличии пищи. Такому обучают еще в первые дни... в первые...

– Седые магистры! – я бахнул кулаком по столу, поняв, что едва открывшийся было канал в мою память снова схлопнулся. – Бесят эти провалы в памяти!

Лиза протянула руку и сочувственно перехватила меня за запястье.

– Все будет хорошо, – напомнила она. – Я это жопой чую.

– Лиза! – ахнула Агафья, расслышав последнюю фразу, и даже выронила поварешку, которую мыла в мятном тазу. – Фу, что за выражения?! В приюте Святого Митрофана так не говорят. Уважай дом, в котором выросла, и прославленных предков, тебя породивших! Кем бы они ни были.

– Простите, – моя подруга покаянно опустила голову, хотя я видел – ей нисколько не стыдно, просто она не хочет обижать заботливую женщину.

Монахиня, видимо, тоже почувствовала неискренность и уперла руки в бока:

– Права Глафира: я слишком много вам позволяю, – сказала она, постаравшись смерить нас как можно более суровым взглядом. – Как бы ни было мне больно это признавать, но вы уже не маленькие дети, и пора вам за ум браться. Так что... а ну, марш в поле, картошку копать! Совсем от рук отбились.

Мы переглянулись и пожали плечами. В поле так в поле. После “подзарядки”, наверное, потянем.

Глава 6

Лиза

– Ну ничего себе! – ахнула я, оглядев то, что монашки называли “полем”. Кирилл тоже присвистнул, и было, от чего.

Начать с того, что картошки оказалось не видать – все густо поросло сорняками. Само же поле простиралось на все видимые просторы, и неясно было, в какой момент сорняки переходят в луга.

– Мы тут умрем, – наполовину в шутку, наполовину всерьез сказал Кирилл, оценив фронт работ.

Я поглядела на него, примеряя имя. Оно вполне подходило его внешности – в меру симпатичного парня со славянско-европейскими чертами лица. Но почему-то у меня было ощущение, будто его должны звать иначе, как и меня.

“Странно, что монашки уверены в том, что я Лиза, а я сама – нет”, – пролетела в моей голове интересная мысль.

Впрочем, подумать об этом как следует мне не удалось – к нам подбежал наш недавний плешистый знакомец и чуть пристыженно завилял хвостом. Похоже, выследил по запаху и догнал.

– О, привет, Форрест! – обрадовалась я. – Добежал-таки.

Пес тоже обрадовался, что на него обратили внимание, и попытался выразить свою преданность “вожаку стаи”, которым почему-то оказалась я – подбежал, встал на задние лапы и попытался сложить передние мне на плечи. Я же не выдержала напора собачьей радости, и мы оба повалились на землю – он оказался слишком крупным для моего тщедушного тела.

К счастью, пес не страдал страстью вылизывать лица. Напротив: уронив меня, он отступил и подобрался, будто ему стало неловко. И взгляд у него был совсем-совсем человеческий. Он будто говорил: упс, не знал, что ты такая доходяга, прости, хозяйка.

Мне стало смешно.

– Пошел отсюда, блохастый, – шикнул на него Кирилл и несильно, но оттолкнул пса ногой.

– Не обижай его, – возмутилась я и села, а затем подманила явно дружелюбно настроенную тварюшку: – Иди сюда, вояка мохнатый.

Пес будто ждал этого – тут же подбежал, виновато закачал хвостом и ткнулся широким лбом мне в плечо.

– Хороший собакен, хороший, – принялась приговаривать я, почесывая ему спину и оглядывая. Пес был большой, но тощий, да и шкура у него была не в лучшем состоянии.

– Фу, Лиза, не трогай! – возмутился Кирилл. – У него, наверное, лишай: смотри, какая шкура плешистая.

– Да нет, просто питался плохо, – не согласилась я. – Прямо как мы с тобой.

– Мы хотя бы не помоечные, – сказал Кирилл, как будто оскорбившись сравнением с бродячим псом.

Пес, разумеется, не ответил, но посмотрел на парня очень умным взглядом – будто хотел ответить, но не мог выговорить человеческие слова.

– Хорошая псина, – сказала я, поглаживая крепкую голову, покрытую короткой шерстью. – Давай его оставим, а?

Я глянула на товарища.

– Ты у меня это спрашиваешь? – не понял Кирилл. – Хочешь – оставляй.

– Ну, мы же типа вместе, – смутилась я.

Мы посмотрели друг на друга, оценивая случайно вырвавшееся у меня слово. А вместе ли мы? Хороший вопрос.

Я оценила ощущения. Не чувствую влюбленности по отношению к нему. Внешность Кирилла казалась мне незнакомой и чужой. Хотя, с другой стороны, действительно имело место некое притяжение. Но это больше походило скорее на родство душ или давнюю дружбу.

– Мы не парочка, – будто проверяя, на пробу сказал Кирилл.

– Не парочка, – подтвердила я.

От этого осознания и от того, что сошлись во мнениях, мы оба вздохнули с облегчением. Да, было бы гораздо хуже, если б один из нас помнил о какой-нибудь влюбленности, а второй – нет. Тупая была бы ситуация.

– Друзья? – уточнил Кирилл.

– Полагаю, даже хорошие друзья, – оценив внутренние ощущения, поправила его я.

– Согласен, – немного подумав, признал он и протянул руку.

Мы пожали ладони.

– Ну что, начнем? – спросил Кирилл, примерившись к выданным вилам.

– Давай, – я пожала плечами и спустила с плеча коромысло с пустыми ведрами.

Работа оказалась тяжелой. Уже через пару метров Кирилл весь взмок, а я только и успевала ловить раскатывающиеся в стороны клубни. Перед нами расстиралось бесконечное поле зелени, а за нами оставались три четкие полосы: россыпь картошки, перекопанная борозда и ботва с сорняками.

Наверное, Глафира действительно думала, что наказывает нас так. Но я поймала себя на мысли, что получаю удовлетворение от работы. Да, тяжело. Но зато как красиво выглядит обработанный нами участок!

– Да, хороша работка, – вдруг довольно сказал и Кир. – Уже чувствую, как завтра будут мышцы болеть. Правую сторону уже проработал, наверное, пора с левой ноги копать.

Он перекинул вилы из руки в руку.

– Тебя радует, что мышцы болеть будут? – усмехнулась я.

– Ну да, – кивнул он. – Хорошая тренировка. Должна неплохо тело укреплять.

– Не поспоришь, – признала я, с хрустом разгибая уже порядком подуставшую спину. – Вот только, чтобы мышцы нарастали, надо бы кушать хорошо. А мне кажется, я вечность не ела: каша растворилась во мне без следа.

– Ну да, – признал он, глянув в мою сторону. – Ты выглядишь так, будто тебя месяц голодом морили. А то и пару лет.

– На себя посмотри! – я ткнула пальцем в его выпирающие ребра: Кирилл как раз разогрелся и снял рубаху, продемонстрировав мне щедедушное для такого роста и возраста телосложение.

Ну, точнее, я только хотела ткнуть его в ребра, но тут мое внимание привлекла какая-то блестящая цацка на цепочке, что висела у него на шее.

– Что это? – я взяла кулончик в руку.

Украшение представляло собой грубо сработанную фигурку орла, больше напоминающего утку. В “пузе” этой утки был заключен небольшой прозрачный камушек.

– Хм? – Кирилл только сейчас заметил, что у него на груди что-то болтается.

Он взял у меня свой кулончик и изучил его. Поковырял камушек, пошептал над ним что-то и даже лизнул. А потом вдруг нахмурился и принялся торопливо снимать.

– Ты чего? – не поняла я.

– Подозрительная штука, – пояснил он. – Видишь камушек внутри? Мне кажется, он магический. А я не люблю носить артефакты, принцип действия которых не понимаю.

– Кир, ты опять? – я закатила глаза.

Я хотела было прочитать ему лекцию про запудривание мозгов “экстрасексами” и “черной и белой магией” на службе у грязного рубля, но он меня перебил.

– Глянь-ка, – Кирилл подался ко мне. – И у тебя на шее что-то блестит. Ну-ка...

Он подхватил цепочку пальцем и потянул ее.

– Щекотно! – захихикала я, когда нагретый телом металл скользнул по коже, и из-под рубашки выскользнуло украшение.

– И у тебя такой же, – Кирилл даже не улыбнулся. – А ну, снимай!

Он попытался стянуть с меня цепочку.

– Эй, ты чего? – возмутилась я. – У нас с тобой одинаковые кулоны. Это либо знак нашего приюта, либо что-то, что связывает именно нас двоих! Я не отдам!

– Хорошо, не отдавай, – неожиданно пошел на попятный он и отпустил украшение. – Но тогда к коже не прижимай – артефакт явно контактного типа. Держи в кармане или поверх одежды.

– Ладно, – я пожала плечами. – Но знай, что меня сильно бесят люди, верующие в астрал, тайные тибетские техники, чакры и прочую псевдомагическую лабудень.

– В “псевдомагическую лабудень” я тоже не верю, – сказал он. – Но мне не нравится, что на нас с тобой артефакты неизвестного назначения. Вдруг они что-нибудь подавляют? Или тянут энергию? Или вообще нужны для ментального воздействия? Лучше перестраховаться.

Я закатила глаза. Блин, еще одна жертва экстрасексов. Ну ладно. Все-таки, он единственный, кто хоть чуточку кажется мне родным в этом мире. А родным людям надо прощать их дурацкие увлечения. По крайней мере, пока они не вредят семье.

Семье?

– Слушай, а может, мы брат и сестра? – предположила я.

Мы уставились друг на друга и оценивающе оглядели, как могли.

– Неа, – возразил Кирилл. – Ты белокожая и беловолосая, я – смуглый и черноволосый. Если мы и родственники, то явно не близкие. Или мы сводные.

– Ну ок, – я вздохнула, распрощавшись с идеей, которая легко объяснила бы чувство душевной приязни при отсутствии приязни физической. – Значит, всего лишь друзья.

– Всего лишь? – фыркнул он. – Я ведь и обидеться могу. А у меня вилы!

Он погрозил мне своим оружием.

– Зато у меня – ведро! – в том же тоне ответила я. – А баба с пустым ведром – это к несчастью. Знаешь, почему?

– Почему? – заинтересовался он.

– А вот, почему! – сказала я тут же нахлобучила ведро ему на голову. Точнее, попыталась – Кир оказался крайне вертким противником, и между нами завязалась шутивая перепалка.

– Бей его, бей! – раздался звонкий детский голос под аккомпанемент собачьего лая – Форрест тоже решил, что игра веселая, и он хочет принять в ней участие.

Мы прервались и оглянулись. К нам шло трое ребят: толстый пацан лет четырнадцати, девочка лет пятнадцати и существо лет пяти, чей пол с нахрапа не определялся по причине выбритой головы и невнятной рубахи до колен.

– Ничего себе! – ахнула девочка, оглядывая проделанную нами работу. – Это вы выкопали? Полный ряд?

– Ага, верится с трудом, – добавил пацан. – Кажись, Глафира таки отходила нашего Кира розгами, и барин “Ленивая попа” быстренько научился вилами работать.

– Э! – возмутился мой напарник. – За языком-то следи, мелкий!

– Ой, тоже мне, большой нашелся! – фыркнул пацан, но на всякий случай спрятался за девочку, что была постарше и повыше ростом.

Девочка же улыбнулась и сказала:

– А я всегда говорила – Кирилл очень сильный. А что его ребята все время колотят, так это потому что толпой. А толпой нечестно!

Я пихнула Кира локтем в бок и поиграла бровями: похоже, кое-кто тут в кое-кого был влюблен. Ах, сколько чистого подросткового обожания во взгляде! Ну, конечно: парень высокий, практически взрослый, да еще и столько земли перекопал.

– Мужик! – весело присоединилась и я к восхвалению. – Какая бицуха! Какой торс!

Я шутливо шлепнула его по голой костлявой груди, которая из-за выпирающих ребер больше напоминала старинную доску для стирки.

– Отстань, – скривился Кир, и тут же повернулся к малышне: – А вы чего стоите без дела? Хватайте ведра, собирайте картошку, раз уж пришли!

– Э! Не-не-не! – возмутился пухлый пацан и честно признался: – Мы тут, чтобы поиздеваться.

– Трофим! – одернула наглеца девчушка, но толстячок только рассмеялся.

– А что? – сказал он. – Кирюхе можно, а мне нельзя, значит? Я сейчас еще вот так!

С этими словами он принялся распинывать картошку по полю. Та разлеталась со скоростью пушечных снарядов.

– Э-э!! – в три голоса возмутились мы – девчушка тоже решила, что это перебор.

– Трофим, ты что?! – испуганно пискнула она. – Еда – дар божий! С ней так нельзя!

– Говнюк мелкий! – вспыхнул Кирилл. – Я тут битый час горбатился, эту картошку копал! Да я ты щас самого закопаю!

– Догони сначала! – хмыкнул пацан и вдруг с неожиданной для толстенького тела прытью припустил по полю.

– Куда?! – только и успела крикнуть я, когда Кир рванулся следом, но их было уже не догнать.

– Мальчишки, – развела руками девочка. Да и Форрест глянул на баловников так, будто хотел сделать “фэйспалм”.

– А тебя как звать? – спросила я, раз уж все равно выдался перерыв.

– Так ты правда память потеряла? – девчушка округлила глаза.

– Правда, – не стала скрывать я. – Кажется, головой ударилась. Так как тебя зовут?

– Алена я, – представилась девочка. – А это вот Егор.

Она указала на бритого ребенка, который все это время молчал.

– Поможете картошку собирать? – тут же уточнила я.

Ребята переглянулись, пожали плечами и пошли за ведрами.

Глава 7

Кирилл

– Подсечка!

Толстяк получил древком вил по ногам, упал, но попытался подняться и снова бежать.

– Еще подсечка!

Он снова получил, плюхнулся на живот, выругался и попытался уползти, но прямо перед ним в землю воткнулись вилы.

– А-а-а, Кирюха, сволочь, пусти! – возмутился он, когда я с намеком наступил ему на край рубахи, и попытался меня лягнуть.

– Будешь еще чужую работу портить? – я схватил его за ногу и привычным движением ее вывернул, начиная болевой прием.

Завершать его я не собирался – ребенок все-таки. Но и намека хватило, чтобы парень напугался.

– Я все Глафуре расскажу! – завопил он. – Скажу, что ты опять дерешься!

– Ну, раз так, придется тебя выпороть крапивой, – я сделал вид, что тянусь к его штанам.

– А-а-а! – Трофим схватился за зад и попытался перевернуться, но я все еще стоял на его рубахе. Раздался треск, и рубаха порвалась.

– Кирюха, гад, ты чего? – толстяк вытаращился на порванную рубашку.

– Упс, – сказал я и убрал ногу.

– Блин, Глафюра меня убьет! – парень схватился за дыру с ненаигранным отчаянием во взгляде.

– А за картошку испорченную не убьет? – фыркнул я.

– Картошку ты копаешь, тебе и отвечать! – тут же выдал он свою наглую логику. – А вот за рубаху сестры мне шею намылят.

– Сам виноват, – сказал я. – Нечего было чужую работу портить.

– Кто бы говорил! – окрысился парень, пытаясь спрятать оборванный край рубахи в штанах, подвязанных вместо ремня какой-то бечевкой. – Кто мне вчера золы насыпал на вымытый пол?

– Без понятия, – честно сказал я. Но запомнил.

Странный какой-то образ меня складывался. Как будто речь шла вовсе не обо мне. Ну, ладно еще драки с неведомыми “городскими”: кто знает, может, они те еще сволочи? Но зачем я издевался над сопливым пацаном? Чем прошлый я думал? Злость, что ли, на нем срывал? Постыдно как-то.

– Ладно, – примирительно сказал я. – Как там тебя... Трофим? Забыли, короче. Не буду я тебя обижать, если поможешь мне с картохой. Я буду подкапывать, а ты – трясти куст, чтоб клубни отпадывали.

– Ты точно умом тронулся, – вылутился на меня Трофим. – С каких пор ты так работой горишь? Ау, Кирилл!

Он помахал рукой перед моим носом, но я перехватил его за запястье.

– Ай! – Трофим скривился, ведь руку я сжал знатно.

– Я тебе мир предлагаю, а ты рыпаешься, – укорил я его. – Ты поле видел? Вдвоем явно не перекопать. Иди, хоть немного поможешь. А там и решим, кто прав, а кто нет.

– Да понял, я понял! – взвыл парень. – Пусти!

– Сила – лучший аргумент в установлении мира, – хмыкнул я и отпустил его.

Следующие пару часов мы трудились из последних сил, отрабатывая повинность. Причем к нам еще дважды подходили разные ребята – посмотреть, как пахнут наказанные. А в итоге

оставались помогать. Вилы, правда, были только одни, так что по большей части мелкие занимались тем, что переносили картошку к дому и вытаскивали из перекопанной земли сорняки.

– Как думаете, осилим? – спросил я, оценивая расстояние и заодно пытаясь отдышаться – работа шла уже несколько часов, и солнце кренилось к горизонту.

Мы таки нашли край поля, развернулись и теперь копали в обратном направлении. До другого края осталось совсем немного, но честно говоря, я уже выдохся и теперь просто искал в себе хоть какую-нибудь мотивацию.

– Отдохни, Кириш, – предложила Лиза, с хрустом разгибая спину. – Я же вижу, что ты уже на ногах не стоишь – столько перекопал. Думаю, монашки оценят наше рвение и простят.

Она махнула рукой на почти бесконечную полосу. Мы оба посмотрели на проделанную работу. Теперь никаких полос не было, за нами оставалась только перекопанная черная земля, а картошку и зелень мелкие относили на край поля, поближе к церкви.

– Красиво, – сказала Лиза, налюбовавшись.

– Согласен, – признал я. – Все-таки есть что-то такое в этой крестьянской работе – и для тела польза, и для духа. Почти как боевые тренировки у моего...

Я осекся. Какая-то мысль мелькнула, но вновь ускользнула от меня.

– Опять не помнишь? – сочувственно спросила Лиза.

– Не помню, – признал я. – Но почти вспомнил. Я точно раньше занимался боевыми искусствами.

– Ты? – рассмеялся Трофим, который только вернулся к нам с пустым ведром и застал всех в момент перерыва. – С крапивой воевал за околицей?

– Нет. С инструктором, – серьезно сказал я, смутно вспомнив, что да, есть в моей памяти такой образ – очень жесткого воина, от которого я когда-то нехило огребал.

– Ну ты точно сбрендил, – Трофим покрутил пальцем у виска. – Кукуха поехала.

– Да? – усмехнулся я. – А как тебе это?

Я выдернул вилы из земли, сделал кувырок и совершил серию тренировочных выпадов и вращений оружия, делая вид, что вилы – это копье, с которым я когда-то упражнялся.

– Ва! – восторженно взывала ребятня, да и Лиза взглянула с изумлением – похоже, никогда не видела подобного.

Я хмыкнул – очень уж искренней была их реакция – и решил показать удар в прыжке с переворотом. Но не успел...

– Кирилл!! – раздался резкий возглас.

От неожиданности я сбился и чуть-чуть не пришиб вилами мелкого Егора – тот только глазенки выпучил, едва не получив в эти самые глазенки железякой. А у меня аж мышцы взвыли от того, что пришлось остановить вилы в замахе.

– Ты что делаешь?! – возмущенно завопила Глафира и побежала к нам, смешно семеня ногами под своим линялым балахоном.

– Простите, – покаялся я и отвел вилы в сторону. – Я не специально.

– Господи, да за что ж мне такое наказание! – взывала было монашка, но тут взгляд ее упал на перекопанную часть поля и гору картошки, которую мы накопили.

– Это что? – она оторопела. – Это вы?

Она принялась указывать пальцем то на нас, то на картошку, то на поле, то на гору сорняков, подготовленную, как сказала Лиза, “на перегной”.

Мы с девушкой переглянулись и кивнули.

– Ну, и ребята помогли, – спохватился я, указав на мелких.

Те горделиво выпятили тощие груди: все понимали, что работа проделана нехилая, и хотели к ней хоть немного примазаться, чтобы вредная Глафира расщедрилась на похвалу.

– Но я думала... – женщина начала было, однако не договорила и замолкла на мгновение, а потом вдруг продолжила совсем другим тоном: – Вы это... возвращайтесь. Поздно уже, время для вечерней трапезы.

Мы с Лизой снова переглянулись. Вообще-то, когда нам выдавали инвентарь, то велели не возвращаться, пока все поле не перекопаем.

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросил я тихо.

– Кажись, нас простили, – так же тихо ответила девушка. – Предлагаю порадоваться и больше не нарываться. А то кушать очень хочется.

С этим я был совершенно согласен: конструкт регенерации в теле горел и требовал хоть какой-нибудь пищи для восстановления мышечной массы.

– Лиза, арголит под рубашку убери, – неожиданно добавила монашка, заметив, что кулон девушки посверкивает под заходящим солнцем. – Потеряешь еще, а вещица ценная. Вдруг однажды пригодится?

Моя подруга без задней мысли преспокойно сунула его под рубашку. Я же нахмурился. Арголит? Хм. Ни разу не слышал такого слова. Хотя сам камень был мне смутно знаком, но...

Блин, да что ж из моей памяти ничего не вытащить толком?! Бесит. Ладно, вспомню со временем и разберусь.

Глава 8

Кабинет матери-настоятельницы

Три монахини стояли перед небольшим алтарем и молились. Точнее, это был не столько алтарь, сколько “красный угол”, как называли его крестьяне. Увы, но Храм Святого Митрофана не проводил службы уже так давно, что верующие люди привыкли молиться дома.

Впрочем, и самих верующих здесь было немного. Некому было нести учение божие в этот дремучий край: как-то так повелось, что храмы выгоднее ставить там, где паства богаче. А этот уральский городок был настолько нищим, что даже простенький храм взамен потерянного никто не торопился возводить.

Впрочем, нет. Сестры монастыря Святого Митрофана еще продолжали свою деятельность. Не могли они отступить. Ведь одно дело богу молиться: для этого ничего не надо, кроме искренней веры, а совсем другое – о детях заботиться.

Приют открыли в незапамятные времена. Тогда страна была богата, а мир еще не познал ужас Искажения. Аристократические рода некогда великой Российской Империи были сильны и не желали допускать такого позора, как существование бастардов.

В чем, казалось бы, проблема? Ну, родился внебрачный ребенок у какой-нибудь потаскухи, ну, продала она его бездетной семье или подкинула в обычный приют. Ей – свобода, ребенку – кров над головой и пропитание. Всем вроде бы счастье, так?

Так да не так. Одно дело сирота из числа обычных людей: растет себе, умнеет, с приемных родителей пример берет и постепенно им родным ребенком становится. А бастард дворянина – это кот в мешке. Может, вырастет обычным ребенком. А может, проявит дар предка. А вокруг – никого, кто мог бы помочь.

Вот к чему обычному крестьянину, скажем, одаренный с силой огня? Рано или поздно, случайно или намеренно такой ребенок обязательно что-нибудь спалит: сарай или всю деревню вместе с лесом. Таких надо обучать, причем с раннего детства. И даже если вдруг найдется учитель, ему же надо платить. А откуда деньги у крестьян?

Да и вообще, приемных детей берут, чтобы было, кому хозяйство передать под старость лет. Крестьянам нужны рабочие руки, а такие вот одаренные обычно не хотят поле пахать, они начинают грезить магической славой и так и норовят сбежать из дому на поиски приключений.

С другой стороны, и разбрасываться одаренными детьми направо и налево только потому, что они внебрачные, стране было невыгодно. Все-таки магия – это такая же статусная статья, как внутренний валовый продукт или способность шмальнуть по соседнему государству ракетами. Правительство понимало, что правильно воспитанный одаренный может удачно пополнить армию или полицию.

Так вот и возникли приюты для бастардов. Финансировало их государство, а иногда – сами загулявшие аристократы, которые желали тайно поддержать своего случайного отпрыска. Но с Приютом Святого Митрофана все было не совсем так...

– Что Лужину отвечать будем? – спросила Глафира, обратившись к третьей монахине – настоятельнице Феофании. – Два раза уже встречу откладывали, как бы не осерчал.

Вместо ответа настоятельница только вздохнула.

– Согрешили мы, и бог ниспослал нам испытание, – сказала она, нахмутив морщинистый лоб.

Все трое перекрестились.

Когда-то давно, поддавшись чувству сострадания к брошенным детям, они решили обмануть людей в городе и стали принимать в приют не только бастардов, но и вообще любых детей, которых им подкидывали.

Однако имперскую комиссию обмануть было нельзя, и потому в списке потенциально одаренных бастардов числилось только пятеро, и довольствие выписывали только на пятерых. Детей же в приюте было уже восемнадцать.

– Испытание али нет, но что делать-то будем? – не дала отойти от темы дотошная Глафира. – Подкорытов денег требует, проценты накидывает. А отдавать нечем.

– Безбожник, – осуждающе покачала головой Агафья. – Детей грабит.

Все трое недовольно покивали. Однако женщины понимали, что сами виноваты в сложившейся ситуации. Не надо было ввязываться в “бизнес”, если ничего в этом не понимаешь. Не надо было занимать денег у ростовщика. Не надо было покупать земельные артефакты у непроверенного заезжего торгаша, хоть тот и прикрывался имперской грамотой.

– А Лужин тоже хорош, – нахмурилась Агафья. – Живого человека, будто скот, покупает!

– Ну, он не покупает, он откупные дает, – возразила Глафира.

– Ой, да хоть как ты это назови! – отмахнулась Агафья. – Девуцу берет, за нее деньги платит – аки за рабыню! Еще и морщится – мол, тощая да бледная. А откуда румянцу взяться, коли есть нечего? Ох и дурное это дело! Нельзя так, не по-божески это.

– Да может, ей еще понравится? – возразила Глафира. – Поди, не стар Лужин, не урод. Одежа столичная и даже автомобиль есть. Мечта, а не муж!

– А вдруг не понравится? – возразила Агафья. – Что-то я погляжу, Лиза с Кирюшкой сдружилась – прям-таки лаастся друг к другу, не разлей вода. Что, ежели любовь у ребят? А мы ее – замуж. Пойдет ли? А ну, заартачится? Силой ее тащить, что ли?

Агафья опять перекрестилась, искренне переживая, как бы ее предположение не обернулось правдой.

– Какая любовь у двух оборванцев? – фыркнула Глафира. – Полгода полюбятся, дитё нагуляют, а дальше что? А дальше опять нам на шею. А мы и без того в долгах. По миру пойдем! Нет уж, никакой любви. Разводить надо их дружбу, чтоб ни-ни.

Глафира погрозила худым длинным пальцем.

– Ты-то чего молчишь, Феофания? – обернулась к настоятельнице Агафья. – Скажи, чего делать-то будем? Берем выкуп за Лизоньку или будем землю Подкорытову в счет долга отдавать?

– Нет, землю отдавать не будем, – сказала Феофания. – Лиза одна, ребят – много. Отдадим землю – с голоду помрем. Попробуем девочку подготовить. Может, сама все поймет.

– Да, Лизонька умная и послушная, – подтвердила Агафья. – Да потому и жалче ее больше всех! Знаю я этих богачей – они ее там шпынять будут, издеваться всяко. А она тростиночка безответная. Шибанет муженек посильнее – кости переломает. Ему бы другую совсем – постарше да здоровьем покрепче.

– А у нас есть выбор? – возразила Глафира. – Лужину не просто невеста безродная нужна для забав, а одаренная.

– Ой, да нету у нее дара все равно, – отмахнулась Агафья. – Ни у кого из них нету. Сами знаете: у байстрюков магия ослабленная, отчего отцы за них и не борются. На что Лужину наша Лиза сдалась?

– Да тут и так все понятно, – ответила Глафира. – В ней дар не проявился, а в одном из ее потомков возьмет и проявится. Лужин ее будто суку породистую, в разведение пустит. Денег-то у него много, а одаренных в семье нет. А как появятся, так они в аристократы метить начнут. И будет новый дворянский род в Империи – Лужины. Тут же все ясно, как божий день!

– Ох ты ж Господи! – Агафья перекрестилась. – Ну что за гадости ты говоришь, Глафирушка? Какое разведение?

– Честно я все говорю и прямо, – ответила та. – Продаем Лизу за долги. Мы нагрешили, а она – расплачивается за нашу глупость.

– Так, а ну хватит! – настоятельница повысила голос. – Чего языками молоть? Нет у нас денег и взять неоткуда. А долг – есть, и закрывать его надо. Так что давайте девочку готовить. Все равно ей замуж давно пора, и так передержали.

– Ох, Лизонька, бедная наша! – горько вздохнула Агафья и, не сдержавшись, расплакалась.

– Тихо ты, – неловко похлопала ее по руке Глафира. – Чай, не впервой. Все они вырастают, все из гнезда вылетают.

– Ага, в клетку золоченую-у-у-у, – завывала Агафья.

Глафира хотела было еще что-нибудь возразить, но тоже не сдержалась и шумно шмыгнула носом – эти дети были им как родные.

Глава 9

Лиза

Ночь была тихой. Непривычно тихой. Вокруг меня сопела малышня разного возраста. Правда, только девчонки – мальчишки спали в другой комнате.

Комнат в приюте оказалось много, и в них даже были добротные деревянные кровати. А вот постельное белье больше напоминало половые тряпки. Да и матрасы были настолько древними, что поверх них лежала для мягкости солома – тоже довольно трухлявая. Подушек же не было вовсе.

А еще в комнатах было холодно. В доме имелось несколько печей, но топили только одну – ту, что на кухне-столовой. Видимо, так делали всегда, потому что там же стояло три деревянных люльки: в них спали самые маленькие. И Агафья дремала на лавке подле печи, присматривая за ними.

Остальным же ребятам приходилось выбирать: либо мерзнуть, либо ночевать вповалку. И девчонки, похоже, предпочитали второй вариант, потому что сразу после ужина меня окружило несколько девочек возрастом от трех до тринадцати лет, и меня потащили в спальню, требуя сказку на ночь.

А я что? Я с детьми не умею обращаться, особенно отказывать им. Пришлось рассказывать полночи, пока последняя не засопела. Причем как назло, в самом начале у меня глаза просто слипались, а стоило только последнему ребенку уснуть, и сон как ветром сдуло. Закон подлости!

– Спишь? – послышался тихий вопрос.

Я оглянулась. В щель неприкрытой двери заглядывал Кирилл. Этому-то что понадобилось?

– Тебе тоже сказку рассказать? – шепотом уточнила, выбираясь из плена детских тел и подходя ближе.

– Не, я и так тебя слушал весь вечер. Тут стены картонные, похоже, – сказал он, оглядывая мое сонное царство. – Перекусить не хочешь?

– Хочу! – тут же оживилась я. – А есть, что?

– Вон, картофельное поле за окном, – сказал он, кивая на ночную темень. – Накопаям и запечем. Натуральное хозяйство, мать его.

– Накопаям и запечем? Среди ночи? – не поняла я. – Это ж долго.

– Ничего не знаю, – отмахнулся он. – Я умираю с голоду. Если ты не пойдешь со мной романтично махать вилами и жарить картошку под звездами, буду делать это один. А ты лежи тут и мучайся от голода.

Мой живот в ответ на это предательски заурчал. Черт, а он прав! Кишка кишке бьет по башке.

– Странно: мы же, вроде, только-только ужинали, почему я такая голодная? – я погладила бушующий живот.

– Потому что “Пилигрим” требует подзарядки, – туманно пояснил Кирилл.

– Чего? – не поняла я.

– Идем, – он протянул мне руку. – Нам срочно нужна еда. Чем больше, тем лучше.

Я пожала плечами и подала свою руку. Ладонь Кирилла оказалась сухой и горячей. Это и звук хорового сопения за спиной навевали чувство уюта. Но мы собирались этот уют покинуть, причем без разрешения.

– Тихо ты! – едва слышно зашипел на меня Кирилл, когда под ногой скрипнула половица, стоило мне только ступить в коридор. – Агафью разбудишь.

– Я что, виновата, что доски рассохлись? – пожаловалась я, стараясь красться потише.
– Не знаю, куда наступать.

– Иди по моим следам, – посоветовал он. – Я еще вечером запомнил, где что скрипит.

– Ага.

Я шагнула ему за спину, и мы пошли дальше – по длинному темному коридору, заваленному всяким хламом, который и выбросить жалко, и к делу не пристроить. Такой всегда копится в старых домах. Чем старее дом, тем больше хлама. И только переезд может заставить хозяев проверить переоценку ценностей.

– Ёп... – я запнулась об очередную невидимую в темноте хреновину и взмахнула руками, теряя равновесие. Взмахнула неудачно, потому что врезала Киру по уху. Тот тоже дернулся, и мы повалились на пол.

На удивление, Кир сделал это почти беззвучно, как-то ловко подставив руку. А я... я тоже шлепнулась беззвучно, потому что приземлилась на него, больно впечатавшись носом ему в плечо. Еще и локтем об него приложилась.

– Пипец ты костлявая, – прошипел Кир.

– На себя посмотри, – не осталась в долгу я. Еще он меня попрекать будет! Сам на скелет ходячий похож. Точнее, уже лежащий.

Мы разобрали перепутавшиеся конечности и прислушались. Но нет, наше падение никого не разбудило: из кухни все так же доносился богатырский храп Агафьи.

– Можно было и не таиться, – сделала вывод я. – Таковую не разбудишь.

– Как там говорится? Лучше перебдеть, – сказал Кирилл.

– Не, не так говорится, – сказала я и поправила: – “Лучше перебздеть, чем обоссаться”.

– Блин, Лиза, фу! – возмутился он. – Ты ж типа отпрыск благородного рода, еще и леди. Что за выражения? Ты не должна так говорить.

– Ой, тоже мне благородную нашел, – фыркнула я. – И вообще, кому я что должна? Мы с тобой приютские, находимся на самом дне общества. Нам никто не дал то, за что нужно быть должным. И знаешь, что?

– Что? – спросил он.

– Мне это нравится, – призналась я. – Нравится мысль, что мы начинаем с нуля. Есть в этом что-то такое... не могу объяснить. Просто чувство, как будто в прошлом у меня было все, но я не ценила. Или это “все” мне приелось. Так что теперь в кайф обнулиться и начать жизнь сначала.

Кирилл хмыкнул, но ничего не ответил. Мы поднялись и, уже не особо таясь, прошли на кухню. Оставленную на завтрак снедь трогать не стали – если съедем, монашки по-любому хватятся, и нам влетит. На самом деле мы пошли на кухню просто потому, что там был хозяйственный выход.

– Эх, хорошо! – потянулся Кирилл до хруста в костях, как только мы непойманными вышли на крыльцо и закрыли за собой дверь.

– Да ну, холодно, – тут же зябко вздрогнула я.

На дворе стоял сентябрь. Днем было солнечно, но чувствовалось, что солнце осеннее – оно почти не грело. А стоило ему закатиться за горизонт, как от земли тут же повеяло холодком. И лунный свет, выкрасивший округу в призрачные голубые тона, не делал ночной двор уютнее.

Издали вдруг донесся заунывный протяжный гудок, тронувший душу тоской и ностальгией.

– Что это? – напрягся Кирилл.

– Цивилизация, – хмыкнула я, разглядев далеко-далеко у северной стороны города сверкающую полосу скоростного поезда. Состав светился – не от лунного света, а сам по себе – и

его хорошо было видно даже на таком расстоянии: благо, приют стоял на холме, и обзор был хороший.

– Ничего себе змеища, – с уважением и явным опасением в голосе сказал Кирилл.

– Тебя на поэзию потянуло, что ли? Типа “хтонический змей, поработанный людьми” – это метафора поезда? – хмыкнула я, но сравнение оценила.

Поезд был и правда похож на огромного змея. “Морда” у него была обтекаемая, со странными вытянутыми окнами, напоминающими глаза. Вдоль корпуса тянулись светящиеся полосы, похожие на усы китайского дракона. Хотя, он вообще весь светился.

“Видимо, элитный какой-то”, – подумала я.

Моей ноги неожиданно коснулось что-то пушистое.

– О, Форрест! – удивилась я.

Пес глухо гавкнул, приветственно ткнулся носом мне в коленку и подставил лоб – мол, гладь меня, хозяйка.

– Хм. Я думал, он уйдет, – сказал Кирилл. – А он, похоже, решил тебя охранять.

– Да я его просто подкормила чуток после ужина, – смущенно призналась я. – Ну так, одну картошечку отдала, вот он и ждет повторения.

– Лиз, ну ты даешь, – цыкнул Кирилл. – Нам самим есть нечего, а ты бродячих собак подкармливаешь.

– Ну, он такой... ласковый и спокойный, – попыталась я оправдаться. – Не похож на бродячего. Скорее, на брошенного. И вообще, смотри, какой он благородный. Форрест, дай лапу!

Пес поднял голову и одарил меня таким укоризненным взглядом, что аж мурашки по спине пробежали – до того человеческое выражение на собачьей морде примерещилось! Однако, подумав немного, лапу все-таки подал.

– Очень приятно. Лиза, – смущенно сказала я и пожала ее.

Пес издал непонятный звук – то ли коротко гавкнул, то ли фыркнул. Не-е, зря Кирилл на него ворчит, прикольная тварюшка.

– Идемте уже, – закатил глаза Кир. – Хотя нет, погоди.

Он скользнул обратно в дом, а спустя минуты три вышел оттуда с помятым ведром в руке. В ведре светились угли.

– На, – сказал Кирилл. – Разведите с Форрестом костерок, погрейтесь пока. А я выкопаю пару картофельных гнезд.

Я пожала плечами и взяла ведро.

Разжечь костер было нетрудно. Труднее оказалось найти для него хворост. Брать поленья без спросу я постеснялась, а за околицей как-то буреломом не наблюдалось.

Я прошла вдоль поля, где росли кусты, но нашла лишь мелкие ветки. Угольки же не могли тлеть вечно: ночной ветерок ускорял их незаметное горение, распаляя до алого цвета. Надо было поторопиться.

Неожиданно мне помог пес – он откуда-то приволок здоровенную сухостоину впятеро длиннее его самого. Почти целое дерево! Ну ладно, кусок куста, но все равно крупный – толстый ствол едва удерживался в зубах, а ветки цеплялись, заставляя пса идти боком, чуть ли не приставными шагами. Выглядело это довольно нелепо.

– Красава, Форрест! – похвалила я его. – Вот это костер сейчас будет, это я понимаю!

Пес и правда постарался на славу: принес не просто большой кусок дерева, а хорошо просушенную древесину – самое оно для быстрого костерка. Как будто знал, что мне надо.

Щелк! Крак!

Старые ветки ломались легко и просто. Я сложила “шалашик”, подперла его кусками ствола, который ломался уже хуже. Затем насовала в стратегически важные места сухой травы, высыпала рядом угли и стала палкой загонять их внутрь, попутно раздувая.

Впрочем, с этим хорошо справлялся и ветер. Промозглый ночной осенний ветер. Брр!

– О, быстро ты! – обрадовался Кирилл, когда наконец пришел к нам и увидел уже весело гуляющие по веткам языки пламени.

Он наклонился и вывалил к моим ногам несколько картофелин. Не мудрствуя лукаво, я подкатила их поближе к огню: в угли совать было пока рано, но пусть хоть бока прогреют.

Мы уселись у костерка. Сначала молча смотрели на пляшущие огоньки и грели руки. Занятие было весьма умиротворяющее. Потом я решила, что лицо, пальцы и колени у меня достаточно прогрелись, и повернулась спиной. Кирилл тоже повернулся. Форрест, похоже, подумал, что это флешмоб, и повторил за нами.

Все втроем мы уставились в ночную даль. Приют, да и вся деревня располагались на холме, а я в поисках валежника обошла поле по кругу, и теперь мы были максимально далеко от поселения. Огонь перестал слепить глаза, и ночь раскрылась во всей красе.

Перед нами раскинулось полмира – мрачная темень с огоньками и поблескивающей внизу рекой. А над всем этим – звездное небо, только с одной стороны слегка замутненное облаком. Мурашки по коже!

– Красиво, – сказала я, глубоко вдохнув свежий воздух с запахом подступающей осени.

– Аж философствовать тянет. И матом ругаться.

– Лиз, ну ты чего? – скривился Кирилл. – Весь эффект от такой красоты портишь.

– Да в смысле? – удивилась я. – Широкая русская душа требует. Неужели сам не чувствуешь?

Я встала, раскинула руки и всласть выматерилась – так, как матерятся от восхищения, когда слов уже не хватает. Кирилл же прикрыл лицо ладонью.

– Хорошо, что тебя никто, кроме собаки, не слышит, – пробурчал он.

– Ничего-то этот сноб не понимает в русской душе. Да, Форрест? – я потрепала пса. Тот, естественно, не ответил, но ласку принял благосклонно.

Он вообще, похоже, решил, что я его хозяйка, и теперь все время держался рядом. Причем так достойно, будто его этому всю жизнь обучали: не слишком близко, чтобы не мешаться, но и не слишком далеко, чтобы его не теряли из виду. Прямо образцовый выставочный пес.

Тем временем облако, что медленно проплывало по небу, наконец открыло луну. Призрачный свет пролился на округу. Вот осветился город, берег, на котором он стоял. Вот засияла река и стал четче виден лес. А вот вспыхнул белыми стенами храм, который мы до этого даже не замечали.

– Погляди-ка! – Кир неожиданно поднялся с места и подался вперед, выходя еще ближе к обрывистому краю холма, на котором мы расположились. – Нет, ты глянь-глянь!

Я подошла ближе и посмотрела, куда он указывает. Но не поняла, что его так удивило.

– Дорога, – пояснил Кирилл. – Она идет идеальным полукругом!

Я присмотрелась. И правда: грунтовка, по которой мы шли из города в приют, действительно будто огибала огромный круг, и линия изгиба была ровной дугой. Выглядело это очень странно.

– словно кто-то циркулем прочертил, – сказал все еще взволнованный Кирилл. – И все, что внутри круга, выглядит заброшенным.

И правда: храм явно был забыт давно и надежно. Местами от него отвалились куски штукатурки, крыша в одном месте была проломлена и колокол отсутствовал – провалился.

А еще, похоже, когда-то вокруг храма было небольшое поселение – с десятков деревянных изб еще можно было различить под лунным светом. Но их-то уж время точно не пожалело – все почернели, а некоторые даже сгнили, и их крыши провалились. Остались только печи.

– Хм. Странно, – протянула я. – Печки целые: только трубы местами рухнули.

– В этом я как раз не вижу ничего такого – кирпичные же, попрочнее дерева будут. А ты какую странность нашла? – не понял Кир, который, похоже, ничего не знал о деревенском жилье.

– Странно, что кирпич никто не разворовал, – пояснила я. – И поленицы стоят почерневшие от времени, но целые. Это ненормально для русского мужика – не слямзить ничейное.

– Действительно, – задумался Кирилл. – Похоже, когда мы сошли с брусчатки на грунтовку, дело было вовсе не в нашей поврежденной памяти. Это какая-то дезориентирующая и отталкивающая магия! Артефактный контур!

– Ой, ну опять... – я сделала “фэйспалм”. – Кир, избавь меня от своего увлечения экстрасенсорикой. Я люблю сказки, да. Но только пока они сказки. В остальных же случаях будь добр, предоставляй факты и научные доказательства. Я в магию не играю, от этого кошелек истончается.

– Магия – царица наук! – с пафосом провозгласил он. – Что бы ты ни начинала исследовать, рано или поздно наткнешься на магию, ибо она есть вершина божественного творения – то, на чем зиждется вселенная!

– Ты сейчас серьезно? – спросила я, с трудом удержавшись от того, чтобы не развернуться и не уйти подальше от придурка, но все же тайно надеясь, что он просто троллит меня.

– Более чем, – с уверенностью сказал Кирилл. – И мне страшно интересно, зачем огородили эту зону. Там либо что-то опасное, либо ценное. Или и то, и другое!

– Не похоже, чтобы там было что-то ценное, – я покачала головой. – Разве что иконы. Но наживаться на чужой вере я не хочу. Да и как ты туда попадешь, если там, как ты говоришь, “артефактный контур”?

– Без понятия, – честно сказал он. – Но совершенных артефактов не бывает – у всех есть слабая зона. Может, он ослабевает при попадании молнии. Может, его нужно нагреть. А может, конструктор не сферический, а плоский, и мы смогли бы перелететь линию или же устроить подкоп.

– И спереть оттуда дрова? – фыркнула я.

– Ну хотя бы, – пожал плечами Кир. – Зима на носу, а ребята говорят, что сестры прошлую зиму печки в комнатах не топили. И что в морозы все спали на кухне вповалку, потому что в комнатах стены насквозь промерзли.

– Мох, наверное, в труху истлел, вот и промерзли, – предположила я. – Или здание осело, бревна сдвинулись и щели появились. Вот чем страдать магической фигней, лучше бы решал реальные проблемы – применил бы мужскую силушку и законопатил заново. А то барьеры у него какие-то, магия, тайны...

– Ой, да ну тебя, – отмахнулся Кир. – Не хочешь – не верь. Я не буду тебе ничего доказывать. Давай лучше картошку запекать.

– Вот это хорошая мысль, – кивнула я, и мы принялись закатывать картофель поглубже в костер, где уже почти прогорела принесенная Форрестом сухостоина.

Глава 10

Посиделки у ночного костра оказались на редкость приятными. Что-то было в этом такое, без чего нельзя жить нормальному человеку. Вот надо иногда взять друга, а лучше – пятерых – развести костер, достать термос и просто молча сидеть, тыкая хворостинами в огонь. Звезды, тишина, ночные просторы. Романтика, мать ее...

И только одно меня расстраивало: температура воздуха медленно, но неуклонно падала, а костер спасал от холода только с одной стороны.

– Я чувствую себя курой гриль, которую крутят на вертеле, – пожаловалась я Кириллу, в очередной раз поворачиваясь к костру замерзшей задницей. – О, Форрест бежит! И опять что-то тащит.

Кир оглянулся. Я указала ему пальцем на смутную тень. Мой – да-да, уже мой – пес волок что-то по земле и вилял хвостом: похоже, радовался и торопился с находкой к хозяйке.

Я присмотрелась, что он там опять тащит, и малость офигела. Форрест нашел одеяло!

– Ого, – у меня широко раскрылись глаза. – Фигасе. Ты тоже это видишь?

– Что именно? – Кирилл лениво оглянулся. – Что помойный пес принес тряпку со свалки?

Пес наконец добежал и сложил находку к нашим ногам. Одеяло действительно было довольно грязным и сильно воняло затхлостью. А еще ровно посередине у него зияла прогоревшая дыра. Интересно, где Форрест взял этот мусор? Впрочем, если это мусор, то его никто не хватится.

– Ну, какие возможности, такие и дары, – резонно заметила я, поднимая добычу и накидывая ее на плечи – себе и Кириллу. – У нас с тобой пока вообще ничего нет, грех жаловаться.

Кир поморщился, но отказываться не стал. Тем более, одеяло, может, и пахивало, но оказалось плотным, так что в нем сразу стало на порядок теплее и уютнее. Да, вот так, пожалуй, можно и до утра у костерка посидеть. До готовности картошки так уж точно.

– А ты молодец, – похвалила я Форреста, потрепав его по макушке. – Самая умная собака, которую я когда-либо встречала. Дрессированный, да?

Пес опять смешно фыркнул, ничего не ответил, развернулся и исчез в ночи по своим бродячим делам. А может, просто поздний ужин решил себе поймать.

Тем временем костер окончательно прогорел, а картофелины почернели со всех сторон. Переживая, как бы они не сгорели совсем, я вытащила парочку и проткнула палкой.

– Готово! – сказала я, когда та провалилась в светлую мякоть. – У-у-у, еда! Смысл жизни!

– Согласен, – сказал Кир и тоже принялся выискивать в углях оставшиеся картофелины.

Следующие несколько минут мы были заняты тем, что разламывали печенки, остужали их и торопливо уплетали, радуясь и обжигаясь.

О, какой вкусной кажется еда на природе да с голодухи! Живот поет от счастья, а рот наполняется слюной быстрее, чем успеваешь ее сглатывать. Толстая угольная корочка хрустит на зубах, а обжигающая мякоть пахнет так, что живот от радости сводит.

Я была настолько голодна, что собиралась съесть как минимум десять штук и с подозрением поглядывала на Кира, который, похоже, испытывал те же ощущения.

Однако пока мы наполовину в шутку, наполовину всерьез торопились “пережрать” противника, сами не заметили, как наелись, и последние две картофелины остались невостребованными.

И тут я вспомнила, что хорошо бы еще кое-кого покормить.

– Форрест! – я закрутила головой в поисках пса. – Блин, где он опять?

– Какая разница? – лениво отозвался обожравшийся Кир. – Бродячая тварь, чего ты от него хочешь? Опять на какую-нибудь свалку убежал.

И черт возьми, он оказался прав! Спустя буквально минуту мы снова увидели пса. Тот волочил по земле очередной непонятный предмет – плоский и, похоже, тяжелый. А когда дотащил, мы увидели...

– Матрас? – изумленно сказала я, опознав находку. – Ну ты даешь, мохнатый друг.

– И опять со свалки, – скривившись, сказал Кир. – Посмотри, и тут прожженная дыра.

И правда: в середине матраса виднелся обугленный след, из-за чего его и выбросили.

– Вот тебе не пофиг, – я пожала плечами. – У костра посидеть хватит. Жаль только, он догорает уже. Форрест, может, еще одну сухостоину притащишь?

И тут пес... кивнул! Нет, серьезно: на мгновение он склонил голову, будто принимая задание, развернулся и пошел его выполнять.

– Э-э, Форрест! – остановила я его. – погоди. Покушай сначала. А то неловко даже как-то тебя гонять.

Я протянула ему картофель.

– Собаки ведь всеядные? – на всякий случай уточнила я у Кира, а то еще отравлю мохнатого ненароком.

– Вроде, да, – пожал плечами друг.

Сомнения развеял сам пес: он осторожно ухватил с моей ладони оба запеченных клубня, отошел в сторонку и съел их там – то ли переживал, что отберем, то ли не хотел нам мешать.

А что нам мешать? Мы наелись, расселись на матрасе, укрылись ватным одеялом, и стало нам так хорошо-хорошо! Прямо вот обняла бы всех и затискала от счастья! Жаль, один грязный и помоечный, а другой может не так понять по причине мужского пола и молодых гормонов. Пришлось ограничиться еще одной матерной тирадой.

– М-да, – протянула я, закончив ругаться. – Обнуление – это прекрасно. Начать жизнь с самого дна, не иметь вообще ничего. А потом вдруг начать это обретать – потрясающее ощущение!

– Что обретать? Вонючее одеяло и такой же матрас? – насмешливо уточнил Кир. – Какая ты нетребовательная, однако. Твой будущий муж на тебе здорово сэкономит.

– Кто сказал? – возмутилась я. – Это я сейчас вонючему одеялу радуюсь. А потом мне приесться, и я захочу хоромы в три этажа, дорогой фарфор и личного повара. Так что бойся, мой неведомый будущий муж! И иди паши, пока еще есть время до нашей встречи.

Мы оба рассмеялись. Форрест решил, что уровень комфорта хозяйки теперь достаточный, и присел рядом, присоединившись к отдыху. Эх, хорошо!

Глава 11

Кирилл

Я проснулся первым – от холода и голода. “Пилигрим” закончил перерабатывать съеденную ночью порцию еды и теперь требовал еще.

“Мда, это надолго”, – понял я, ощупав свое тело и поняв, что не особенно в нем что-то прибавилось: мышцы не выросли и даже жирочка не наблюдалось. Видимо, состояние организма было слишком аховое, чтобы исправить его парой приемов пищи.

Да, весь съеденный ночью картофель отлично усвоился. Но это была однотипная еда. А я точно помнил, что для качественной регенерации требуется полноценное питание, и “Пилигрим” будет вызывать сильный голод до тех пор, пока маг не съест все требуемые для восстановления вещества.

А где их взять, если мы нищие?

“Может, в лес сходить, на охоту?” – подумал я, оглядывая просторы вокруг.

Идея была хорошая, ведь с холма было прекрасно видно бесконечный лесной массив, с трех сторон окружавший город. Вот только я не помнил, умею ли охотиться. Сражаться с людьми – это да, этому меня точно учили. А вот животных ловить... Хм, сомнительно. Да и где взять оружие?

Впрочем, нет. Сильнее всего мне сейчас хотелось не мяса, а морепродуктов. Омара бы съесть! Ну ладно, хотя бы креветок. И тот салат с маслинами и яйцом виверны. И мороженого с миндальными лепестками на десерт – м-м-м...

Седые магистры, я точно не был голодранцем с рождения! Чтобы помнить все эти вкусы, надо попробовать их в сознательном возрасте. А спарринг с тренером, который я смутно, но вспомнил? В этом воспоминании я практически одного роста со взрослым мужчиной. А значит... значит...

– Что-то тут не сходится, – пробормотал я себе под нос, так и не придумав достойного объяснения. – Но радуется, что воспоминания потихоньку возвращаются.

Я встал и огляделся. Природа вокруг казалась смутно знакомой, но не ощущалась, как родная. Видимо, раньше я жил в другом месте. Меня хорошо кормили, учили обращаться с оружием. Еще у меня был как минимум один наставник. А ведь у детей мещан такого не бывает, их обучают кучей, потому что так дешевле. То есть...

– Я аристократ, – с уверенностью сказал я себе и прислушался к ощущениям. Да, никакого противоречия. Похоже, я и правда из знатной семьи.

А еще меня, похоже, обучали основам магических искусств. Я не только знал о существовании регенерационных конструктов, но и распознал тип такого конструкта в своем теле – простейшая, но надежная система плетений “Пилигрим”, которую обычно устанавливают исследователям дру... Вот оно!

“Исследователи других миров! – озарило меня. – Так я не местный! И Лиза тоже. Но что с нами случилось?”

Задаваться этим вопросом было бесполезно, пока в памяти наблюдались такие большие провалы. Я мог выбрать лишь, что мне делать дальше.

А дальше мне безумно хотелось влезть в тот заколдованный круг под холмом. Что он защищает? Почему местные бросили храм своего бога? Обычно верующие так не поступают. Если бы бог их предал, они бы перестали в него верить. Но монашки верят и еще как. А значит, тут произошло что-то другое.

Загадка. Люблю загадки!

Оглянувшись на спящую девушку, я увидел, как за мной, чуть приоткрыв один глаз, наблюдает пес. Он лежал вдоль тела Лизы и грел ее – к утру стало по-настоящему зябко.

– Форрест, охраняй, – велел я ему.

Пес лениво фыркнул, как будто мой приказ его рассмешил. Впрочем, я уже убедился, что он не агрессивный и максимум, что может сделать Лизе – блохами ее заразить. Так что оставил этих двоих и пошел на утреннюю пробежку, осматривая окрестности.

Изучить незнакомую местность – это первое, что следует сделать, если ты оказался в другом мире. Сколько здесь домов? Есть ли нежилые помещения вроде торговых лавок, мельницы, кузни, а может, и какого-нибудь управленческого здания? Есть ли тут больница или воинская часть?

Но нет. Деревенька, в которой располагался наш приют, оказалась почти точной копией той, что была когда-то подле храма, и в ней не было ничего интересного. У меня даже сложилось впечатление, что здесь живут как раз потомки тех, кто сбежал когда-то от неведомой беды.

– Похоже, здесь живут только крестьяне, – сделал я вывод, оглядывая бесконечные сельскохозяйственные угодья.

Что тут только ни росло! Картофель, злаки какие-то, кукуруза, овощи – знакомые и не очень. Поля были огромными – явно больше, чем нужно среднестатистической семье. А луга за ними и того больше. Видно было, что деревенька аграрная, и даже простеньких вторичных производств тут нет.

Скучно.

Я уже достаточно взбодрился, согрелся и размялся, чтобы закончить утреннюю тренировку, когда заметил одну странность. Природа явно готовилась к зиме: листья желтели, трава выглядела жухлой. Но посевные участки отличались такой сочной зеленью и бодростью, что это бросалось в глаза.

– Что-то тут не то... – пробормотал я, завершая круг и подходя к границе двух участков: монастырского, на котором ночью мы копали картошку, и соседского.

Монастырский выглядел, как ему и положено в это время года: ботва начала желтеть и клониться к земле. А вот на соседнем участке, где тоже рос картофель, земля была явно лишь недавно окучена, и из нее торчали совсем молодые ростки.

“Разве картофель бывает озимым?” – задумался я.

В памяти не нашлось ярких воспоминаний на эту тему – сельское хозяйство явно не было моим коньком. Но я смутно помнил, что озимыми бывают только злаки и вроде бы какие-то бобы.

В задумчивости я прошел по чужому полю, пытаюсь понять, зачем это сделано. И вдруг понял, что... моим босым ногам тут теплее.

Чтобы проверить свою догадку, я отбежал на участок монастыря. Так и есть: земля там за ночь остыла очень сильно и холодила ступню. Я опять перебежал на чужой участок и прислушался к ощущениям. Ого, а ведь тут на порядок теплее! А еще у этого тепла был некий источник – центр, от которого оно распространялось. И от этого центра фонило магией.

Заинтересованный, я пошел в этом направлении и почти сразу наткнулся на... палку. Обычную кривую палку, воткнутую в землю. Вот только от этой палки здорово фонило магическим и тепловым излучением.

– Тепловой артефакт! – осенило меня. – Ну, ничего себе! А тут не такая глушь, как я себе представлял, раз крестьяне могут позволить себе раскошиться на подобное. Интересно, а артефакты, притягивающие грунтовые воды, тоже есть?

– Кирилл!! – неожиданно раздался позади возмущенный крик. – А ну, брысь с чужого участка!

Я непроизвольно вжал голову в плечи. Нет, я не боялся монашек – что они сделают мне, взрослому парню? Но уж больно неприятный голос был у Глафиры – он прямо-таки сам по себе обещал кары небесные на голову хулигана.

Вздыхнув, я потрусил прочь с чужого участка в сторону монастыря, где уже стояли взволнованная Лиза и сама Глафира.

– Балбес! – монашка выдала мне знатного “леща”.

– Ау! – возмутился я. – Детей бить нельзя!

– Да какой ты ребенок, оглоед?! – возмутилась женщина. – Вымахал на мою голову. Мы его потеряли, а он по чужим огородам шарится! И не стыдно?!

Я посмотрел на Лизу, та неловко отвела взгляд. Похоже, девушка проснулась почти сразу, стоило мне уйти. Не увидела меня, заволновалась и помчалась в приют. А когда не нашла меня и там, подняла на ноги монашек.

Эх, ладно, сам виноват.

– Вот только попробуй что-нибудь своровать! – пригрозила мне монашка. – Шкуру спущу, так и знай! В приюте Святого Митрофана нет воров и быть не может! Да я первая участкового вызову, если узнаю!

“Кто бы сомневался”, – я с трудом сдержался, чтобы не закатить глаза.

– Учим вас, учим, а все как об стенку горох, – продолжала тем временем монашка. – Ладно читать-писать ты не научился. Но уж Заповеди Божьи будь добр, соблюдай! Не убий, не укради, не прелюбодействуй... кхм... А впрочем, да, большой уже парень, так что и это тоже!

Она ткнула в мою сторону длинным сухощавым пальцем. Тот случайно указал на болтающийся на моей груди амулет с камнем и орлиными крыльями.

– И арголит под рубашку уברי – к телу, как полагается! – возмущенно добавила она. – Никакого с вас проку, тьфу! А ну, быстро домой, мыться! Кстати, что вы такое ели, что у обоих рты черные?

Мы с Лизой переглянулись. А ведь и правда: ночью было не видно, как мы испачкались углем от запеченных картофельных шкурок, а вот под серым утренним светом Лиза выглядела замарашкой с черной моськой и грязными руками. Видимо, и я тоже.

– Эх, да за что ж мне такое проклятье? – Глафира обратилась к небесам, но те не ответили. Так что пришлось монашке лишь расстроено махнуть рукой и уйти обратно в здание.

Мы с Лизой пожали плечами и пошли следом.

Глава 12

Где-то в городе...

Купец Петр Сергеич Лужин сидел в своем кабинете и пил чай. Делал он это со вкусом, в красивой обстановке и с достойными собеседниками. Да-да, он искренне считал, что лучшие деловые встречи – это встречи за завтраком, когда голова еще хорошо соображает, а впереди – целый день для осуществления планов.

Кабинет у него тоже был примечательный: со столичным ремонтом и мебелью из прославившегося на весь мир торгового дома “Идея”. Эту мебель Петр Сергеич собрал лично, собственными руками и всегда злился, если кто-нибудь с нею неаккуратно обращался.

А ну как поцарапает или краску обдерет? Ближайший филиал магазина “Идея” находился в губернском центре – это же опять туда ехать, транспорт грузовой нанимать, деньги тратить.

С деньгами в маленьком горно-аграрном городке было туго. Нет, с тех пор, как появились фермерские артефакты, позволяющие продлить сезон сбора урожая почти до десяти месяцев, а местами и до двенадцати, Урал и Сибирь определенно расцвели и захорошели. Но все же Петр Сергеич признавал, что живет в жопе мира.

Впрочем, его это устраивало. Отец всегда ему говорил: “Лучше быть первым парнем на деревне, чем последним – в городе”. Лужин-младший принял это жизненное кредо и не пожалел. Торговля – вот, чем он занялся в маленьком, богом забытом городишке.

Сначала он привозил семена селекционных растений, чтобы разнообразить посевы. Но доход от садовой лавки почти равнялся расходам. Тогда он начал поставлять лампы с артефактными светильниками: чтобы не только тепло было растениям в Сибирские морозы, но и светло, как на югах. Но и эта сфера торговли быстро уперлась в потолок: мелкому городишке просто не нужно было столько фермерских артефактов и столько семян.

Тогда купец додумался вести торговлю и в обратную сторону: начал не из области на периферию товары поставлять, а наоборот, редкие овощи-фрукты из родного города в столицы повез. Причем сам привозил крестьянам семена, сам делал заказ, и сам же через полгодика забирал урожаи именно тех продуктов, что были в дефиците.

Вот тут уже дело наконец перестало отбиваться в ноль и пошло в плюс, а сам Лужин стал известен в городе как серьезный бизнесмен и общественный деятель, чьими трудами город постепенно восстает из руин. Простой купец на этом остановился бы, но Петр Сергеич Лужин был человеком амбициозным.

Поняв, что у него теперь есть свободные средства, он не бросился сразу жить-шиковать, а начал планомерно завоевывать всю торговую сферу города: скупал мелкие лавки, устраивал невыносимые условия конкурентам и начал знакомиться с серьезными людьми.

И теперь это был уже не мелкий лавочник по прозвищу Петька Лужа, а серьезный бизнесмен Петр Сергеевич Лужин – владелец местной сети магазинов “Шестерочка”, уважаемый и состоятельный человек, председатель Городской Думы, а еще... глава полулегального объединения, известного в узких кругах как “Три Петра”.

– Ну что, Петр Евгенич, как жизнь? Как жена? – спросил Лужин, делая знак мальчонке-казачку, чтобы налил гостю чаю.

– Чудесно, Петр Сергеич, чудесно, – прошамкал полный старик, щуря один глаз.

Он казался неповоротливым и простодушным, но впечатление было обманчивым. На самом деле Петр Евгеньевич Подкорытов был очень деятельным человеком и владел единственным в городе банком.

Точнее, это была обычная ростовщическая организация даже без лицензии, просто называлась она “Банк”. Но народу, собственно, какая разница? Люди приходят, берут в долг, а потом возвращают его с процентами. Разве не так работают банки? Так. А есть у них лицензия

или нет, платят налоги или нет, есть ли страховка вкладов или нет – это уже дело десятое, об этом можно умолчать. Все равно в этом захолустье никто законов не знает.

– Ты сам-то когда женишься? – прошамкал “банкир”.

– Как только, так сразу, – усмехнулся торгаш. – Вы, главное, не отступайте от Святого Митрофана, не отступайте. Но и не перегибайте.

– Да мне-то что? – пожал плечами старик-ростовщик. – Я денег им занял, я же их рано или поздно и выбью.

– Что, даже из святых людей? – хмыкнул торгаш.

– Святых людей не бывает, – парировал Подкорытов. – Бывают только пастухи и овцы.

– Волков забыли, – осклабился еще один гость – Петр Максимович Муратов по прозвищу “Волк”, хозяин сети питейных заведений, а также местный авторитет.

– Точно, – хмыкнул ростовщик. – Как же мы без волков. Ежели убрать волков, то и стадо баранов от пастуха разбежится, стричься не будет. Впрочем, довольно витиеватостей. Петр Сергеич?

Старик вопросительно глянул на торгаша. Тот повернулся к мальчонке, разливавшему чай, и коротко скомандовал:

– Пшел.

Мальчишку как ветром сдуло. Закрылась плотная дверь, щелкнул замок.

– А если серьезно, – сказал Лужин. – Достали меня эти монашки. Я уже год их окучиваю, а они все жмутся. Говорят, девка молодая сильно – мол, рано ей замуж, подождать надо. Но сдается мне, просто время тянут.

– А что, у них все-таки есть, где заработать деньги? – удивился ростовщик. – Я думал, твои поддельные артефакты быстро их разорят.

– Я тоже так думал, – кивнул Лужин. – Но они, видно, решили, что это “наказание божие”. И вместо того, чтобы согласиться на мое щедрое предложение, распродают свой приютский хлам – сначала примусы всякие и книги, теперь уже и подушки перьевые продали, посуду и прочую утварь.

– А я-то думаю: чего у них просрочек нет? – задумчиво постучал пальцем по губам Подкорытов. – Даже вот Волчару нашего на них не спустишь, чтоб долги повыбивать и припугнуть, как следует.

– И не говори, – скривился Лужин.

– А что, ты разве не можешь запретить местным старьевщикам скупать у них вещи? – продолжил ростовщик. – С твоими возможностями это раз плюнуть.

– Я запретил, – кивнул торгаш. – Местным запретил. А вот заезжая шушера только рада подешевке купить разные старинные предметы.

– Ясно, – кивнул Подкорытов. – И что делать будешь?

– А ничего, – пожал плечами Лужин. – Жду пока. Урожай они сейчас соберут, но на одной картошке далеко не уедешь. Не знаю, какого они чуда ждут, но все одно скоро поймут, что проще продать девчонку, чем всем к весне с голоду сдохнуть.

– Можем ускорить дело, – предложил молчавший все это время Волчара. – Красного петуха им пустить или грабеж устроить. Или и то, и другое. Там же одни бабы да дети, что они сделают?

Оба старших Петра – и торгаш, и ростовщик – посмотрели на него неприязненно.

– Волк, ты это... не перегибай палку, – наконец подобрал слова Лужин. – Я просто хочу получить одаренную жену законным путем. Зачем мне твоя уголовщина? Сейчас монашки поломаются немного и все равно согласятся. А там, глядишь, девка сама поймет, что в богатом доме и спать мягче, и кушать слаще.

– Ну, как хотите. Мое дело предложить, – пожал плечами Волк. – Просто вы двое временами слишком все усложняете. Нужна девка? Возьми девку. Кто ее хватится, приютскую?

– Мы не усложняем, мы выбираем самый безопасный вариант, – пояснил Лужин. – Красного петуха пустить или выкрасть девицу всегда успеется. Но сколько от этого будет проблем... Нет уж, лучше посложнее, да побезопаснее.

– Значит, по этому вопросу ждем? – уточнил ростовщик.

– Ждем, – кивнул Лужин.

– Ну, тогда давайте к другим приступим.

И они принялись обсуждать судьбу города: кого “подвинуть”, кому выплаты задержать, о ком “настучать” в Сибирьпотребнадзор, а кого и укокошить по-тихому, ибо по-другому убрать с дороги не получилось.

И пусть народ верит, что судьбу города решает Городская Дума и графский приказчик – им незачем знать, кто на самом деле заправляет делами.

Глава 13

Лиза

Мне было неловко. Проснувшись одна у погасшего костра – Форрест не в счет – потеряла Кира, подняла всех на уши. А друг, оказывается, просто на пробежку вышел. И ему за это влетело.

К счастью, злилась, как оказалось, только Глафира. Агафья же, едва увидев, что с Киром все в порядке, тут же его простила и даже налила нам в умывальник теплой воды, чтобы отмыли угольные пятна с рук и лица.

Мыла, правда, тут не оказалось. Мы терли и терли лица, но грязь только размазывалась.

– Походу, вы и впрямь башкой оба треснулись, – раздался вдруг за нашими спинами голос толстячка Трофима. – Пустите, дурачье беспамятное, покажу, как надо.

Мы с Кириллом не ожидали такого напора и разошлись в стороны, пропуская его.

Трофим, который только-только пришел на завтрак, с достоинством встал на полено, чтобы быть повыше, потянулся наверх и взял с крючка что-то вроде крошечной мочалки из луба.

Затем он обмакнул ее в непонятную жижу в кружке, что стояла на умывальнике, и принялся тереть себе кончики пальцев – как брезгливый сноб, которому грязь под ногти попала. Протерев обе руки, он сполоснул их и мочалку, вернул ее на место, а затем встряхнул руки, слегка задев нас брызгами – явно специально.

– Поясняю для тупых: это называется “щелок”, – сказал он, указывая на кружку с жижей. – Чистоплотным людям свойственно с его помощью грязь сводить. А нечистоплотные только черноту по роже размазывают.

– Это щелок? – удивилась я, глянув в кружку с непонятной жидкостью. – Не знала, что он так выглядит.

– Как приятно чувствовать себя умнее старших, – самодовольно протянул парень, развернулся и пошел прочь, заложив руки за спину. – Почаще влезайте в драки, где вам память отшибает – глядишь, я в приюте самым главным стану.

– Э! – возмутился Кирилл и потянулся, чтобы поставить ему подзатыльник, но толстячок на удивление шустро ускользнул, мерзко хихикая.

– Да ладно тебе, – остудила я пыл друга. – Он, похоже, от чистой души помочь хотел. Хоть и не без вредности. Дай нищему пацану хоть немного самоутвердиться.

Кирилл еще попыттел немного, но сдался. Действительно, чего на ребенка обижаться?

Мы воспользовались щелоком и наконец отмылись. Хотя, под ногтями все равно остались едва заметные черные полосы, а еще от нас густо пахло дымом, но это уже мелочи – тут от всех так или иначе чем-то пахло.

Пока мы отмывались, Агафья накрыла на стол. И опять, как вчера, нам выдали один чугунок на всех: монашка просто водрузила его в центр стола, и ребятня полезла с ложками, торопясь утолить голод.

– Антисанитария, – покачала я головой, но тоже полезла в кучу: есть опять хотелось ужасно!

В чугунке оказалась очередная каша – на этот раз пшеничная. Но снова несоленая, а еще в ней периодически попадалась шелуха. Но выбора не было: ешь или сиди голодным. А голодным остаться никто не хотел, так что мы застучали ложками.

Спустя пять минут котелок опустел, и ребята один за другим торопливо принялись исчезать из кухни. Остались только малыши, которых Агафья сама кормила с ложки из отдельной миски. Мы с Кириллом ничего не поняли и застыли в недоумении: уж слишком быстро ребятня сбежала из кухни, будто их ветром сдуло.

Впрочем, эта странность немедленно разъяснилась:

– Кирилл, Лиза, чего застыли? – сказала нам Агафья. – Мойте котелок и ложки, протирайте стол. Сейчас сестра Феофания придет, урок будет.

Мы кисло переглянулись: так вот, почему все сбежали! Просто никто не хотел посуду мыть.

Но делать было нечего – пришлось побыть дежурными. Кир, как настоящий джентльмен, взял на себя тяжелый чугунок, а я – все остальное. Потом Агафья еще и велела Киру натаскать воду из колодца.

– Ладно. Сделаем вид, что это силовая тренировка, – вздохнул он, взял ведра и пошел на улицу, где во дворе виднелся почерневший от времени колодезный сруб.

– Что это с ним? – удивилась Агафья, когда он вышел. – До чего послушный – аж не по себе. Даже тряпкой за утро ни разу не получил. Неужто повзрослеть решил?

Я отвечать не стала: о себе-то ничего не помню, не то, что о Кирилле. Но мне смутно казалось, что он хороший человек, и непонятно было, почему все ждут от него пакостей.

Спустя полчаса в кухне появился новый – для нас с Кириллом, разумеется – человек. Это была степенная монахиня с серьезным и немного усталым выражением лица. Она вошла, поприветствовала всех и села во главе стола, положив перед собой пару листов бумаги.

Тут же в здании случился маленький переполох. Трофим, едва увидев, кто пришел в приют, побежал по комнатам, оповещая ребятню. Агафья отерла руки передником и достала с верхней полки бутылек чернил и несколько очиненных гусиных перьев.

Не прошло и двух минут, как по лавкам расселись все обитатели приюта, а затем в кухне возникла непривычная тишина.

– Здравствуйте, дети, – раздался в этой тишине спокойный голос женщины.

– Здравствуйте, сестра Феофания! – нестройным хором отозвалась ребятня, которой дирижировала из-за спины старшей монахини Агафья.

– Начнем урок, – также степенно кивнула Феофания. – Сначала счет. И-и-и... один... два... три...

Она замолкла, но весь разновозрастный “класс” принялся хором считать дальше, повинаясь движению руки все той же Агафьи. Нам с Кириллом не оставалось ничего другого, кроме как присоединиться.

Считая, я глядела по сторонам. Похоже, это мероприятие повторялось каждый день, потому что ребятня не выглядела удивленной. Вот только правильно числа называли далеко не все – младшие в основном просто рты открывали или говорили, но с опозданием.

Наверное, будь счет только до десяти и повторись он несколько раз, им было бы проще. Но увы, как оказалось, тут было принято хором считать до ста. А так как происходило это медленно и потому долго, то повторять процедуру не было желания ни у учеников, ни у учителей: обязательное задание сделали, и ладно.

– Теперь сложение, – все так же степенно велела Феофания, когда мы досчитали. – Один плюс один?

– Два! – дружным хором ответил “класс”.

– Один плюс два?

– Три!

– Один плюс три?

– Четыре!...

И вновь все пошло по тому же принципу. Феофания по порядку называла простые примеры, а дети говорили ответы. Возможно, старшие и делали это осознанно, а вот младшие просто бездумно повторяли. Впрочем, и на лицах старших тоже особой осмысленности не наблюдалось.

Затем настал через таблицы умножения. И опять хоровые ответы. Видимо, вся система обучения здесь строилась на заучивании. Я уже начала задремывать от такой скуки, как монашка сказала:

– Вычитание и деление будем повторять завтра. Теперь же приступим к повторению азбуки.

– Вы б хоть пару примеров им задали, что ли, – не сдержавшись, буркнула я. – Кто ж так учит?

– Что-что, Лизонька? – тут же спросила меня монахиня, и весь класс повернулся в мою сторону, отчего мне стало не по себе, но деваться было уже некуда.

– Я говорю, на повторении далеко не уедешь, – пояснила я чуть громче. – Нужны задачи, на которых можно счет потренировать. От зубрежки считать не научишься.

– Вот как? – удивилась монахиня. – Ну, раз ты так хочешь... Скажи-ка мне, Лиза, сколько будет дважды шесть да отнять четыре?

– Восемь, – немного подумав, ответила я.

Монахиня удивилась: она явно не ожидала, что я решу пример, в котором надо в уме совершить АЖ ДВЕ ОПЕРАЦИИ.

– А два раза по три и прибавить семь?

– Тринадцать, – вновь почти сразу ответила я.

– Верно, – монахиня удивилась и задумалась. – Неожиданно. Мы тебя такому не учили.

– Сама научилась, – соврала я, хотя смутно вспомнила, что когда-то не раз и не двадцать раз писала разнообразные примеры в тетрадке в клеточку. И были там не только сложение с умножением, но также производные, интегралы и матрицы с тремя неизвестными.

– Да? И как же ты научилась? – поинтересовалась монашка. – Другие не умеют.

– Просто, – я пожала плечами и повернулась к наглому пацану. – Трофим, реши-ка задачку.

– Какую? – насупился он.

– У меня, тебя и Кира было в каждой руке по ломтю хлеба, – начала я. – А потом пришел соседский пацан, побил нас и все забрал. Сколько у этого гада получилось ломтей?

Трофим слегка “подвис”, возмущенный самой идеей, что у него кто-то будет забирать хлеб. Но затем поднял руки и принялся загибать пальцы. Все вокруг тоже принялись считать. Спустя несколько секунд он сказал:

– Шесть ломтей!

– Ага, – кивнула я. – Значит, если троих людей помножить на два ломтя – это шесть ломтей. Усек?

– Усек, – кивнул он.

– А вот теперь представь, Трофим, – продолжила я. – Мы побили гада и забрали хлеб обратно. Но оказалось, что гад нес хлеб своей больной матери. Мне стало жалко женщину, и я решила свои два ломтя поделить на троих. Как это сделать?

Тут Трофим подвис еще серьезнее. У него на лбу даже появились морщины. Сначала он пытался считать на пальцах – не вышло. Потом начал водить пальцем по столу, рисуя ломти. Не справился и так.

– Давай подскажу, – сжалась я. – Не дели сразу оба ломтя. Подели сначала один на троих.

– Ну, с одним все просто, – пожал плечами Трофим. – На три части порезать – и готово.

– То есть, каждому по трети, так? – уточнила я.

Трофим кивнул.

– То есть, если один ломоть поделить, каждому по одной трети достанется. А если еще раз так сделать, по сколько третей достанется?

– По две... – неуверенно сказал Трофим, но затем выпрямился и повторил уже громче:
– По две трети каждому!

– То есть, два ломтя разделить на троих людей – выйдет по две трети каждому, – подвела итог я. – И кто тут самый умный?

Я укоризненно глянула на Трофима, напоминая об эпизоде у умывальника.

– Лизка самая умная, – со вздохом признал он.

– Вот видите, – я обернулась к Феофании. – На примерах всегда проще. А если тупо повторять за учителем, долго еще ничему не научишься.

– Ну, что ж, – пожала плечами Феофания. – Тогда сегодня ты учитель. Давай, научи младших братьев и сестер.

Я замерла, раскрыв рот, а в глазах монашки сверкнул ехидный огонек. Ей не понравилась критика в ее адрес, и она меня уела! Старым-добрым правилом “Инициатива наказуема”. Вот блин...

– Давай-давай, Лиза, – пихнул меня в бок и Кирилл. – Дерзай.

– И ты, Брут, – вздохнула я, но делать было нечего – пришлось учить.

Глава 14

Следующий час мы с ребятней считали все подряд: колоды на кухне, ложки, котелки и даже мух. Мы вычитали из всех сирот то девочек, то мальчиков. Умножали выбитые зубы на количество хулиганов. А особенно весело оказалось считать количество полупопий, прижатых к лавкам, исходя из количества сидящих детей.

В общем, я разошлась, а способностью держать дисциплину, как это умела Феофания, не обладала, так что ребятня в итоге здорово расшалилась, и в кухне поднялся гвалт.

– Ну все, хватит! – не выдержала в конце концов старшая монахиня. – Молодцы вы сегодня, только шумные очень. Сядьте все на места, настало время письма и чтения.

Дети с неохотой расселись по своим местам и замолчали.

– Лиза, – снова обратилась ко мне сестра Феофания.

– Да? – обернулась я, уже не особо опасаясь строгой монахини.

– Вам с Кириллом уже давно исполнилось по восемнадцать лет, – сказала Феофания. – Пора в мир выходить. Конечно, вряд ли без серьезного образования вы найдете работу, где доведется что-нибудь писать. Но хотя бы подпись уметь поставить красивую – это важно.

Я хмыкнула, но ничего не ответила. Действительно, зачем учиться грамоте, если в такой местности придется, скорее всего, всю жизнь коров доить? Подпись под трудовым договором поставил – и свободен.

– Держите, – сказала монахиня, пододвигая мне и Кириллу по листу бумаги и перу. – Буквы вы все выучили, по складами читать я вас тоже учила. Теперь попробуйте поставить красивую подпись. А ребята посмотрят.

Подпись так подпись. Я взяла перо. Надо же – и правда просто перышко со срезанным по косой кончиком. На пробу я макнула его в чернила. На кончике пера почти сразу скопилась капля.

“Будет клякса”, – поняла я.

Нет, у меня не всплыло воспоминание о том, как правильно писать гусиными перьями. Я просто сделала этот вывод логически, поэтому лишнее сняла о край чернильницы. Попробовала расписаться... А ничего, это не так уж страшно. Правда, под конец чернила закончились, но уже на вылете подписи.

– Это что? – странным тоном спросила меня монахиня.

Все подались в мою сторону и вылупились, стараясь разглядеть. Я же, наоборот, отодвинулась, оценивая результат.

На листе красовалась какая-то непонятная закорючка, которую я поставила как будто на автомате, не думая. В ней явно угадывался намек на буквы и в целом подпись, но куда больше она напоминала просто зигзагообразную линию с завитушками.

– Это? Моя подпись, – неловко улыбнувшись, сказала я.

Сама не поняла, честно говоря, что написала. Но вышло это почему-то привычно: я явно эту закорючку ставила не раз и не два, и ее образ мне был знаком до мелочей, несмотря на то что рука была непривычна к письму.

– Лизонька, ну что за шутки? – возмутилась Феофания. – Бумага денег стоит. Не порть лист почем зря, тренируйся имя свое писать и фамилию.

– Фамилию? – не поняла я. – Какую?

Имя-то я уже выяснила, а вот фамилию мне никто не говорил.

– Ну... – монашка вдруг замялась. – Отца твоего мы не знаем, конечно – наличие спящего дара в тебе определил артефакт. Так что пиши “Митрофанова”. Святой Митрофан уж точно не обидится, коли дочкой его назовешься.

Я пожала плечами и старательно вывела: “Елизавета Митрофанова”. Это оказалось труднее, чем поставить предыдущую подпись – чернила все время либо заканчивались на половине слова, либо так и норовили капнуть на него кляксой.

– Ну, вот так-то лучше, – удовлетворенно сказала монашка. – Изящности только не хватает – ты ж все-таки потомок знатного рода, хоть и непризнанный, так что старайся больше. Ну, у тебя хоть буквы ровные. А то вон Кирюшка вечно...

Она повернулась к моему товарищу и вдруг замолкла на полуслове. На втором листе потрясающим каллиграфическим почерком уже красовалось “Кирилл Митрофанов”. Еще и вензеля-завитушки всякие присутствовали.

– Ого!

– Как красиво! – полетело со всех сторон, и ребятня сгрудилась вокруг его листа.

– Кирилл, а меня научишь?

– Ну ты прям реально как благородный пишешь! Или как церковный летописец.

– Кир, признавайся, кто научил? Я тоже так хочу!

Но мой товарищ лишь молчал и загадочно улыбался. Я же по его взгляду поняла: он и сам не помнит, где так научился.

На этом монашкам пришлось от нас отстать. Стало ясно, что мы и считаем хорошо, и письму обучены уже на уровне, так что нас обоих отпустили. А подпись Кирилла так и вовсе на стеночку пристроили – чтоб ребята видели, как надо.

Мы вышли во двор, вдохнули свежий деревенский воздух. К нам тут же подбежал Форрест, ткнул мне носом в ладонь, приветствуя, и сел рядом, тоже принявшись смотреть на природу.

Подумав немного, я спросила Кирилла:

– Тебе тоже кажется, что мы умеем больше, чем полагается приютским детям?

– Нет, не кажется, – ответил он. – Я это точно знаю. Мы с тобой не те, кем нас считают.

Подумав, я признала его правоту. Действительно, с тех пор, как я очнулась на той заброшке, мне с каждым часом все больше казалось, что все вокруг чужое. Причем если мир в целом выглядел более или менее привычным, то вот приют и те, кого я должна считать родными – нет.

– И что будем делать? – спросила я.

– А у нас есть выбор? Ждать, пока память восстановится, разумеется, – пожал плечами Кирилл. – Крыша над головой у нас есть, и даже кормят худо-бедно. Поживем пока тут. А потом, может, все вспомним и вернемся... туда, откуда пришли. Если, конечно, мы оттуда не сбежали специально.

– Неудобно как-то, – подумав, сказала я. – Мы как будто всех обманываем. Пользуемся их доверием и любовью.

– А что такого? – не понял Кирилл. – Какая разница монашкам, какого подкидыша любить? Это приют, мы тут все непонятно откуда.

– Хм. Ну, с этой точки зрения я не смотрела, – пришлось признать мне. – Наверное, ты прав. Но все равно немного неудобно. Они и так бедные, а мы их объедаем.

– Мы всегда можем отплатить за доброту, – сказал Кирилл. – Молодые и здоровые люди же, в чем проблема? Можем хоть прямо сейчас пойти в город и поискать работу. Хотя бы ту, до которой я вчера не дошел. Мне кажется, Глафира будет только рада.

– А это мысль, – кивнула я. – Давай так и сделаем. И с картошкой им еще поможем. Ну, и вообще с бытом – надо поставить приют на ноги. А то беднота такая, что смотреть страшно. Как они тут выживают?

– И не говори, – покачал головой Кирилл, оглядывая нищенское подворье. – Выглядит так, будто все хорошие вещи отсюда проданы за долги. А ведь само здание, судя по виду, когда-то было добротным. Вон, глянь, даже украшения местами имеются.

– Да, я тоже заметила, – кивнула я, глянув на красивую резьбу под козырьком крыльца. – Давай поставим это место на ноги. Три монашки с приютом явно не справляются.

– Хых. Бастарды Митрофановы желают основать свой род? – весело глянул на меня Кирилл.

– Бастарды Митрофановы желают вкусно кушать и спать не на трухлявой соломе, – чуть более серьезно поправила его я. – Но в целом согласна. Погнали, братан, покажем, как деньги надо зарабатывать.

– Ой, сеструха нашлась! – фыркнул Кирилл, но подал руку, и мы пошли к Глафире – узнавать, что там за купец хотел нанять байстрюка на работу.

Глафира оказалась не против. Более того, она очень удивилась и даже как будто обрадовалась. Видно, решила, что вчера мы принципиально бойкотировали идею устройства на работу и собирались делать это и дальше.

Она так воодушевилась, что даже выдала нам свежую одежду – такую же старую и застиранную, но хотя бы с зашитыми дырами и чистой.

– Только арголиты под одежду убирайте, сколько раз говорить, – проворчала она, увидев, что Кирилл опять вытащил свой кулон наружу. – Во-первых, они к телу должны приникать. А во-вторых, сопрут еще, а нам с сестрами имперская комиссия потом по шапке настучит. Все-таки казенный инвентарь.

Кирилл вздернул брови, подумал немного, но все-таки запрятал кулон под одежду. Хотя я поняла по взгляду: вытащит, как только мы достаточно удалимся от приюта.

Стоило нам выйти из дому и начать спускаться с холма, как рядом нарисовались толстячок Трофим, Аленка и молчаливый Егор. Все трое что-то жевали, и у меня при виде этого заурчало в животе. А еще за ними, почти невидимый в траве, бежал на некотором отдалении Форрест.

– Вы-то куда? – спросил Кирилл ребятню. – Я за вас в городе отвечать не собираюсь.

– Пфф! – прыснул парень. – За себя ответь хоть раз. Спорим, тебя сегодня снова отмудохают?

– А пыли дорожной вкусить не хочешь? – пригрозил Кирилл, продемонстрировав кулак.

Трофим не хотел, поэтому слегка отошел, но не отстал. Не отставали и остальные – то ли гулять пошли, то ли нас до города провожать.

– Ребят, а вы чего жуете такое вкусное? – спросила я, чувствуя, как рот наполняется слюной. Я не знала, почему, но с тех пор, как очнулась, постоянно чувствовала себя голодной.

– Пучки, – сказал Трофим. – И лопухи.

– Лопухи? – не поняла я. – А их что, едят?

Ребятня переглянулась. Похоже, я сморозила что-то странное.

– Вам что, правда память отшибло? – с жалостью в голосе спросила Алена. – Вы же сами нас учили когда-то, что можно есть, а что нельзя.

– Да? – я смущенно почесала в затылке. – Ну, видимо, теперь ваша очередь нас учить.

И ребятня научила – хоть и не без язвительных подколов Трофима.

Оказалось, что вокруг было просто дофига разнообразной еды! Дети рвали стволы некрупных лопухов, очищали их от жестких внешних волокон и угощали нас мягкой сердцевиной. То же самое делали и с другим растением, которое они называли “пучкой”, и сочная сладковатая трубочка понравилась мне даже больше.

Пока мы шли вдоль чужих наделов – почему-то неестественно зеленых и свежих, несмотря на осень – то по краю вспаханной зоны находили щавель. Еще я узнала, что оказывается, головки клевера ну почти вкусные. А вот одуванчик – не очень. Дикие яблоки, кстати, тоже. Впрочем, с голодухи все отлично кушается.

– Велик и богат Урал, – вещал Трофим учительским тоном, явно копируя интонации Феофании. – И ежели ты тут родился, то знай о своем крае все. И тогда он тебя прокормит, даст кров над головой и... и вот эту траву, забыл, как называется, тоже можно есть. Но от нее потом горло саднит.

Трофим оказался хорошим учителем и весьма внимательным ребенком. Он даже нашел целую россыпь грибов на упавшей березе и долго и тщательно объяснял мне, чем ложные опята отличаются от съедобных.

Я, честно говоря, не особенно уловила разницу, но грибов мы набрали много, и Алена, чуть не приплясывая на месте, сказала, что вечером Агафья сварит “губницу”. Я спросила, что это такое, мне ответили, что суп из грибов. Вот только, почему он называется “губница”, не пояснили.

Но больше всего мне почему-то понравилась осока. Эта трава росла вдоль берега реки, и рвать ее было неудобно, а съедобной оказалась только нежная нижняя часть. Но я так увлеклась, что наелась от пуза и с каждой минутой чувствовала себя все лучше и лучше. Как будто организм говорил мне: “Спасибо за витамины, я их и ждал”.

Трофим еще предложил зайти в воду и пошурудить руками под нависающим берегом – авось, налим попадется. Но от этой идеи мы с Кириллом отказались: все-таки холодно слишком для игр в воде, да и дела были. Так что оставили разгулявшуюся у реки ребятню и пошли дальше.

Пора было решать взрослые проблемы.

Глава 15

Кирилл

До своей цели мы добрались к полудню. По адресу, выданному нам Глафирой, был не дом купца Муратова, а питейное заведение, при виде названия которого Лиза принялась ржать:

– “Толстый кабачок”, – хохотала она, держась за живот. – Вот умора...

Я не понял, что тут смешного. Ну да, название нелепое: как кабак, здание, может быть толстым? Огромным, большим – это да. А толстые – это люди.

Однако Лиза ухихикивалась до подхрюкивания.

– А что смешного-то? – решил я все-таки уточнить.

– Дак это так по-мужски, – утирая слезу, выдавила Лиза. – И главное: сразу несколько зайцев одним названием. Тут тебе и отличный рисунок на вывеску, и намек, что это питейное заведение. А самое главное – мужское достоинство обласкано по полному разряду. Буа-ха-ха!

Я глянул на вывеску, где красовался кабачок и две картофелины, и наконец понял, о чем она.

– Фу, Лиза, ну ты и испорченная, – скривился я. – Мне бы такое даже в голову не пришло. Я думал, кабачок – это кабак, в смысле, пивнушка.

– Да ладно? – не поверила она. – Ты посмотри, как точно картошка к кабачку пристроена. И “поза” у кабачка специфичная, и форма. Явный же намек. Походу, у хозяина заведения проблемы с размерами того самого.

Она снова захихикала.

– Даже знать не хочу о том, откуда тебе известно про “позу” и “форму” мужского достоинства, – сказал я.

Услышав это, Лиза резко заткнулась и задумалась. После чего на ее лице появилось весьма странное выражение. Мне же стало неловко.

– Извини, – сказал я. – Ляпнул, не подумав.

– Да ничего, – без обиды в голосе ответила девушка. – Зато ты пробудил во мне целый пласт памяти.

– Надеюсь, ничего плохого? – уточнил я. А то мало ли, при каких обстоятельствах она могла узнать подобное.

– Да, вроде, нет, – пожала она плечами. – Но возникли вопросы к моему возрасту.

Она в задумчивости почесала висок.

– Ну ладно, раз все нормально, я пошел тогда. Ты здесь будешь ждать?

– Ждать? – переспросила она. – Нет, конечно! Я с тобой.

– В пивнушку? – скривился я. – Не думаю, что там приятный контингент посетителей. Как бы они тебя не обидели, пока я с хозяином буду договариваться.

– День на дворе, – Лиза обвела руками улицу, заполненную деловитыми горожанами. – Сомневаюсь, что кто-то в такое время уже успел напиться до хамского состояния. А если и успел кто-то, его другие остановят – кто еще трезвый.

Она ткнула пальцем в стекло заведения. Оно было мутное и засиженное мухами, но видно было, что ажиотажа внутри не наблюдается.

– Ну, и в любом случае, я не собираюсь сидеть в зале, – подытожила она. – Мне тоже нужна работа.

– Что? Здесь?! – мои брови непроизвольно поползли вверх. – Лиза, но это явно низкопробное заведение для моральных уродов, пьянчуг и бандитов. Простите, я не про вас...

Последнее я пробормотал, словив на себе суровый взгляд какого-то бугая, что как раз собирался войти внутрь. Бугай прищурился, но, видно, расслышал только конец фразы и не был уверен, что речь шла о нем, так что лишь недовольно покачал головой и прошел внутрь.

– Лиза, молодой девушке, да еще и потенциально знатных кровей, в таком заведении не место, – понизив голос, продолжил я.

– Знаешь, у меня такое чувство, что из нас двоих тут не место тебе, – фыркнула та. – Матюгаться ты не умеешь, к кабакам относишься с презрением. Короче, весь из себя благородный барчонок, как Трофим говорит. А я девушка простая: обидят – вдарю с ноги по яйцам и убегу.

– Лиза! – у меня аж слова культурные кончились.

– Ну ладно: ногтем в глаз ткну и убегу, – поправилась она. – Так лучше?

– Лучше – это сделать, как Глафира сказала: я устраиваюсь к Муратову на работу, а ты следишь, чтобы я дошел. А я уже дошел, так что все, твоя работа закончена, ты меня до места сопровождала.

– Кирилл, – Лиза прищурилась. – Ты знаешь, что такое семья?

– Ну? – нахмурился я.

– Семья – это самый эффективный финансовый аппарат, – пояснила она. – Мы сейчас с тобой хотя бы временно, но семья. И у нашей семьи явные проблемы: жрать нечего, носить нечего, дом не в порядке, а впереди зима.

– Ну да, – кивнул я. – Поэтому я как мужчина должен зарабатывать деньги. А ты – помогать сестрам с бытом и детьми.

– Э! – возмутилась Лиза. – То есть, тебе бабло и приключения, а я – сиди дома и чугунки драй? А на фиг не сходишь? Могу послать без очереди!

– Да блин! – не сдержался я. – Что за странный разговор? Ну хочешь – иди. Но сама же потом взвоешь.

– Посмотрим. Может, тут и работы для меня нет. Но кто не рискует – тот не шикует, – пожала плечами Лиза и первой нырнула в полумрак не слишком чистого кабака. Пришлось последовать за ней.

– А ты тут жди, – велел я псу, снова увязавшемуся за нами. – Не позорь нас своими блохами и плешиивостью.

Пес как будто возмущенно фыркнул, но все же сел на задницу сбоку от крыльца.

– Хм, – мрачный мужик лет сорока смотрел на меня и хмурился. – Так это ты – бастард приютский? Я тебя вчера ждал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.